

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

АТЛАНТАРКТИДА

Абсолютное оружие

Василий Головачев

Атлантарктида

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Атлантарктида / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2016 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-699-90875-2

Майор Вербов не предполагал, что целью его следующей служебной командировки станет далёкая и холодная Антарктида. Что в составе опергруппы он будет пробираться на батискафе по подводным тоннелям к сооружению, оставленному на Южном полюсе древними атлантами, воевать с отрядом американских ныряльщиков, пытающихся не пропустить русских в подлёдное озеро Восток, столкнётся с тем, что прежде считал невозможным...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90875-2

© Головачев В. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	39
-----------------------------------	----

Василий Васильевич Головачёв

Атлантарктида

© Головачёв В.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

*США, штат Вирджиния, округ Арлингтон,
министерство обороны (Пентагон).*

6 декабря года Дракона, утро

Кто не видел пятиугольный штандарт министерства обороны Соединённых Штатов Америки – Пентагон с высоты птичьего полёта, тот не в состоянии оценить масштаб этого гигантского здания площадью более шестисот тысяч квадратных метров. Длина каждой стороны пятиугольника составляет ровно двести восемьдесят один метр, а длина всех надземных коридоров (комплекс имеет и два подземных уровня) превышает двадцать восемь километров. При этом добраться до любой точки строения на любой этаж можно всего за семь минут.

Работает в этом здании, едва ли не самом большом в мире, около тридцати тысяч человек.

Защищён комплекс тремя поясами зенитно-ракетных позиций и постоянно дежурящими над ним самолётами, что, однако, не помешало террористам 11 сентября 2001 года нанести по нему удар: пассажирский «Боинг» был направлен в северное крыло здания, занимаемое управлением Военно-морских сил США, погибли все пассажиры, экипаж и более ста человек персонала министерства. Через год в этом крыле был создан мемориал в память о погибших.

В начале третьего десятилетия двадцать первого века сменились и президент США, и министр обороны, назначаемый новым президентом с одобрения Сената. Впервые в истории Пентагона его руководителем и шестым лицом в государстве стал молодой человек в возрасте тридцати лет, гражданский, бывший аналитик департамента развития военных технологий, зарекомендовавший себя разработкой стратегии оборонных инициатив. Спокойный, с виду уравновешенный и невероятно амбициозный представитель янки в современном мире, густо насыщенном конфликтами и насилием, он представлял собой новую генерацию креативно мыслящих молодых людей, не отделявших себя от компьютеров и новомодных гаджетов точно так же, как человек не отделяет себя от собственных рук, ног и других частей тела.

Звали его Джеймс Уилсон, к традициям военной элиты США он относился с прохладцей, хотя и не подчёркивал своей нелюбви к «старперам», но первым делом, появившись в кабинете министра как хозяин, велел сдать в музей обломок «Боинга» – того самого, что протаранил Пентагон, хранимый в качестве сувенира всеми предыдущими министрами.

Шестого декабря Уилсон устроил в своём роскошном кабинете на третьем этаже внутреннего корпуса, с видом на пятигранный внутренний парк, весьма серьёзное совещание, на которое был приглашён весь цвет министерства и значимые функционеры Сената и военных институтов, от заместителя министра обороны по вопросам разведки до сенатора по безопасности и директора DARPA – Агентства МО США по перспективным оборонным проектам. Темой совещания должен был стать доклад начальника отдела стратегической географии о работе систем спутникового мониторинга Антарктиды.

Возраст всех присутствующих на совещании не менее чем на пятнадцать лет превышал возраст министра, и он не раз ловил на себе снисходительно-завистливые взгляды коллег, которым было как минимум за сорок пять, но их переживания главу Пентагона не смущали и не волновали. Его способности оценили и президент, и Сенат, и конгресс, и этого хватало, чтобы чувствовать себя выше всех.

– Прошу садиться, господа, – сказал Уилсон, входя в кабинет последним; приглашённые ждали его стоя; оглядел гладко бритые лица, излучающие непробиваемую уверенность в своей значимости. – Чувствуйте себя как дома.

Командующий управлением разведки (РУМО) адмирал Уильям Перетта, старше министра на шестнадцать лет, улыбнулся: он хорошо понимал Уилсона и стал ему почти необходим.

– Прошу без раскачки, – сказал Уилсон, демонстративно глянув на старинные часы в углу кабинета, созданные по легенде самим Леонардо да Винчи. – Сжато, по делу. У меня встреча с президентом через два часа. Прошу вас, Чак.

Вставать из-за стола совещаний не было нужды, в этой традиции общения в министерстве соблюдались неукоснительно, и шестидесятилетний Чак Картер, с гривой седых волос, мягкотелый, похожий на клерка при смерти, заговорил гнусавым голосом, воплощая в себе все пороки госслужащих, дослужившихся до приказа об увольнении.

Его доклад длился четверть часа, после чего на минуту в кабинете установилась полная тишина: присутствующие переваривали услышанное.

Командующий РУМО кашлянул.

Головы повернулись к нему.

– Ваше резюме, Чак? – сказал он.

– Резюме простое. – Картер вытер вспотевший лоб платком. – Кто первым доберётся до подлёдных сокровищ Антарктиды, тот и выиграет. Судя по всему, мы отстаём от русских, готовых запустить в озеро Восток мини-субмарину.

– Насколько мы отстаём?

Главный разведчик министерства перевёл взгляд на директора DARPA.

– Месяца на два, я полагаю?

Красавец брюнет Томас Лэйбр пожал плечами.

– Мы собираемся запустить свою мини-подлодку в озеро Белла через месяц.

– Это катастрофа! – бросил сенатор Бруно Хейгел, возглавляющий в Сенате комиссию по нацбезопасности. – Мы прекрасно представляем, что прячется подо льдами и в озёрах Антарктиды, доклад мистера Картера только подтверждает наши предположения. Следы цивилизации читаются со спутников хорошо. И если русские первыми подберутся к артефактам, они получат колоссальное преимущество!

– Вы правы, господин сенатор, – кивнул начальник отдела изучения аномальных явлений Агентства национальной безопасности Лес Уйанбергер, – в руки русских полярников могут попасть артефакты, глобально меняющие военные технологии. Мы уже знаем, что во времена последнего противостояния Арктиды и Атлантиды, на самом деле не существовавшей в том виде, в каком её представляют СМИ и специалисты по древним цивилизациям, гиперборее воевали не с атлантами, а с антарктами, остров же, затонувший в Атлантике, являлся лишь

периферийной частью Антарктической империи, так вот, во времена последнего сражения арктов и атлантов-антарктов было применено какое-то мощное оружие...

– Климатическое, – перебил речь Уайнбергера директор центра развития оборонных технологий Роберт Браун, единственный чернокожий во всей компании.

Службист АНБ посмотрел на него.

– Извините, – сморщился Браун, круглая голова которого напоминала большой седой одуванчик.

– Термин «климатическое» не отражает физической сути боеприпаса, – сухо заметил сухопарый адмирал Фикс дер, замминистра обороны; из всех высших руководителей министерства он один был уязвлён больше всех тем, что министром назначали не его, отдавшего военному ведомству тридцать пять лет службы, а «желторотого айтишника» Уилсона.

– Согласен, – кивнул лысой складчатой головой сенатор Хейгел. – Что мы можем сделать, чтобы помешать русским?

– Начать войну с ними в Антарктике, – пошутил Перетта.

– Ваши шутки неуместны, Уильям, – ещё суше проговорил Фикс дер. – С их потенциалом русские надерут нам задницу, тем более что у них вблизи Антарктиды пасутся новейшие подлодки. Кстати, а наши субмарины есть в этом районе?

– «Висконсин» вошла в море Росса, – перестал улыбаться Перетта. – Задача – слежение за русскими кораблями и станциями на всём континенте с помощью дронов.

– Одной лодки мало, нужна поддержка надводная.

– Можно послать туда эсминец «Трамп», он сейчас гостит в Австралии.

– Прекрасно, дайте задание капитану. Ещё предложения?

– Надо уничтожить шахту русских, после чего они потеряют связь с аппаратом, – сказал замминистра.

– Это легче сказать, чем сделать, – скривил губы Перетта. – Высадить десант мы не можем, это равносильно объявлению войны. Ракету русские заметят и устроят скандал, если только не осмелятся нанести ответный удар.

– Не устроят, – поморщился Томас Лэйбр. – Вы видели русского министра обороны? Отстой! Он испугается.

– Можно устроить провокацию, – сказал директор центра военных технологий.

– Конкретно? – оживился сенатор Хейгел.

– Отправим с борта одного из наших кораблей на материк «вертушку» якобы для срочной доставки груза, вертолёт потерпит крушение и упадёт на русскую станцию.

Сенатор в сомнении поиграл седыми бровями.

– Операция должна быть разработана до мелочей. Конфликты с русскими нам не нужны. С другой стороны, упустить добычу, если она столь серьёзна, как утверждает господин Картер, мы не имеем права, допустимы любые приёмы.

– Координаты древних объектов определены совершенно точно, – сказал географ. – В озере Восток – ближе к морю Росса, в озере Белла – в районе шведской станции.

– Шведы нам не помешают?

– Вряд ли они знают о наших планах, – тонко улыбнулся руководитель РУМО.

– А русским наши планы не станут известны?

– Не станут, – успокоил географа Перетта. – О них не знает даже наш президент.

– Мало того, – добавил Чак Картер, – спутники подтвердили, что почти все крупные подлёдные озёра соединяются тоннелями. Во всяком случае надёжно прослеживаются два тоннеля – из внешнего моря Росса к озеру Восток и между озёрами Восток и Белла.

– Тоннели проложены во льду? – спросил директор DARPA.

– Нет, в материковых породах, на глубинах до ста метров от поверхности. По-видимому, их прорыли антаркты ещё до появления льдов.

– Джеймс, мы сможем их каким-то образом использовать? – посмотрел на министра обороны сенатор.

– Для начала нужно попасть в эти тоннели, – осторожно сказал Уилсон. – Нужна минисубмарина с большой глубиной погружения.

– Но ведь у нас есть спасательные модули, которые мы готовим для аварий на подводках?

– Их необходимо переоборудовать.

– Постарайтесь сделать это как можно быстрее, нам всё равно понадобятся подводные аппараты этого класса.

– Хорошо.

– И давайте подумаем над идеей Роберта. – Сенатор с отеческим одобрением посмотрел на руководителя центра военных технологий. – С аварией беспилотника.

– Мы прикинем наши возможности, – пообещал министр обороны.

Антарктида, российская полярная станция «Южный полюс-10».

11 декабря, утро

Восточная часть Антарктиды в двухстах километрах от полюса – одно из самых пустынных мест на Земле. Здесь неоднократно регистрировались зимние температуры под минус девяносто градусов по Цельсию и потоковые ветра, сглаживающие снежные торосы и заставляющие ученых неделями отсиживать внутри станций. Тем не менее русских полярников это не останавливало, и единственную исследовательскую станцию в этих местах создали они – «Восток», в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, не убоившись ни температуры, ни ветров, ни одиночества, ни отсутствия – в случае экстремальных ситуаций – какой-либо помощи.

Таковым район станции «Восток», где позже было обнаружено самое большое на континенте подлёдное озеро, оставался и спустя семьдесят лет после начала освоения Антарктиды. К две тысячи двадцатому году на ледяном щите южного континента построили уже более пятидесяти научно-исследовательских станций и баз, в том числе – пять постоянно действующих российских. Одна из них – «Южный полюс» появилась всего два года назад в десяти километрах от станции «Восток», продолжавшей функционировать и прославившейся тем, что именно её обитатели первыми пробурили почти четыре километра льда и взяли образцы воды озера Восток, накрытого льдом, по одной из научных версий, уже более десяти тысяч лет.

Всего подо льдом Антарктиды располагается более четырёхсот озёр, самым крупным из которых является Восток площадью более четырнадцати тысяч квадратных километров. Его длина семьсот семьдесят километров, ширина – сорок восемь. Бурить лёд на станции начали в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, закончили в две тысячи двенадцатом, первые пробы воды взяли в две тысячи пятнадцатом и... ничего особенного не обнаружили, кроме нескольких тысяч экстремофильных видов бактерий, хотя учёные предполагали существование в озере уникальной экосистемы, изолированной от внешнего воздействия по крайней мере сотню веков.

К концу второго десятилетия двадцать первого века в передовых странах, в том числе в России, появились технологии, позволявшие прокладывать во льду не только глубокие скважины, но и шахты, и российские полярники, обладавшие колоссальным опытом подобных предприятий, первыми проложили к озеру Восток шахту диаметром около метра, что давало возможность запустить в озеро – после комплекса обеззараживающих процедур – роботамини-подводку, которую также к моменту запуска сконструировали российские специалисты, поддержанные Фондом перспективных исследований.

Шахту прокладывали полярники «Южного полюса» в течение двух лет, и к антарктическому лету – на южном материке оно начинается в декабре и заканчивается в феврале, туда был доставлен глубоководный аппарат АДИГА, получивший имя «Глазастик». Спуск аппарата в шахту был намечен на одиннадцатое декабря.

К этому времени выяснились дополнительные обстоятельства для исследования материка, подогревающие интерес учёных – геофизиков, гляциологов, биологов и археологов – к теме исследований подлёдных ландшафтов Антарктиды.

Во-первых, температура воды в озере Восток и в глубинах других больших озёр достигала в отдельных местах плюс десяти-пятнадцати градусов по Цельсию, несмотря на огромные отрицательные температуры – от минус шестидесяти до минус восьмидесяти градусов – на поверхности континента. Нагревали воды озёр так называемые «чёрные курильщики» – геотермальные источники.

Во-вторых, жизнь в озёрах имела, хотя и «мелкая»: в пересыщенном кислородом и минеральными солями озере Восток обнаружилось множество бактерий и микробов, половина из которых оказалась неизвестными микробиологам.

В-третьих, и это было самое главное, с помощью систем радиосканирования континента: американской MODIS и российской ГЛОНАСС, – подо льдом были замечены скопления объектов предположительно искусственного происхождения, и в мире заговорили об открытии следов древней цивилизации, похороненных льдами и снегами Антарктиды. Хотя добраться к ним пока никто не мог. Полярники «Южного полюса» должны были первыми убедиться в существовании артефактов, сохранившихся по берегам озера Восток.

Впрочем, американцы отстали не намного: обитатели их станции «Blue ice», расположенной над озером Белла¹, которое соседствовало с озером Восток, также готовы были запустить в свою шахту, пробуренную совсем недавно, робота-субмарину.

Станция «Южный полюс» начала постоянно принимать полярников – шестнадцать зимой и семьдесят летом – в две тысячи двадцать втором году. Она представляла собой модульный поезд на гидравлических опорах, которые были способны приподнимать модули во время сильных снегопадов, а каждая опора заканчивалась лыжей, чтобы гусеничные тягачи могли отбуксировать станцию в более безопасное место.

«Поезд» станции состоял из одиннадцати модулей. Три из них были научными лабораториями, три жилыми блоками, один командный, один центральный, с кают-компанией, два бытовых и энергоблок, имеющий походный ядерный реактор.

Утро одиннадцатого декабря началось как обычно – с переключки персонала и докладов о состоянии оборудования станции, контролируемого компьютерными системами. Утро, конечно, называлось таковым условно: с декабря по февраль в Антарктиде царил полярный день, но полярники жили так же, как и люди в часовых поясах России, пользуясь суточным циклом московского меридиана.

Погода в районе станции выдалась поистине летней: температура воздуха поднялась до минус пятнадцати градусов, ветра не было, солнце сияло всюду, дышалось легко, и можно было обойтись без масок, спасающих лица от обморожения и обледенения.

Группа инженеров и специалистов по обслуживанию технического комплекса шахты покинула станцию, направляясь к буровой вышке и невысокому строению с ярко-синими стенами и конусовидной крышей, внутри которого находился механизм спуска в шахту и необходимая для её функционирования аппаратура. Гора вынутого из недр континента льда рядом, покрытая инеем и снежком, подчёркивала торжество человеческого гения и упрямства, способных создать отходы не только из горных пород, но и из промёрзшей воды.

Персонал станции разошёлся по своим рабочим местам.

¹ Долгое время оно носило условное обозначение 90* Е.

В командном пункте собрались те, кто отвечал за общую организацию работы коллектива и обслуживание глубоководного аппарата: начальник станции океанолог Пименов Михаил Павлович, сорокасемилетний кряжистый бородач в очках, его заместитель, геофизик Васюченко Сергей Семёнович, по прозвищу Скелет, тоже с бородкой, но более ухоженной, интеллигентской, компьютерщик и связист экспедиции Борис Ремзин, молодой, накачанный до «шварценеггеровского» состояния, из-за чего и получивший кличку Рембо, и пилот мини-субмарины Анатолий Аксёнов, инженер и подводник со стажем, щупленький, рыжеватый, но очень быстрый и реактивный, участник не одной экспедиции на батискафах в глубины озёр и морей.

Командно-штабной модуль представлял собой лабораторию с комплексом спутниковой связи, состоящую из трёх помещений, разделённых метровой высоты переборками. Комплекс был снабжён новейшими отечественными компьютерами «Тверь» и аппаратурой контроля параметров среды и внутренних помещений станции.

Бригада обслуживания, хлопотавшая вокруг «Глазастика» более месяца, занялась проверкой работы его систем и вскоре доложила о полной готовности робота к погружению.

Пименов дал команду опускать субмарину.

Телекамеры, способные работать в условиях сверхнизких температур, показали растопыренный ложемент, внутри которого крепился аппарат. Ложемент висел на траверсе над устьем шахты и начал медленно опускаться в горловину, пока его полозья не оказались прижатыми к ледяным стенкам шахты. В таком положении он и должен был проследовать до поверхности озера, поддерживаемый механизмом спуска.

Длина «Глазастика», снабжённого десятью видеокамерами и манипулятором, достигала трёх с половиной метров, диаметр не превышал семидесяти сантиметров, и больше всего он походил на торпеду, что в общем-то отражало его предназначение: корпус робота и в самом деле копировал форму торпеды, усиленный титановыми тубингами; давление воды в озере Восток достигало четырёхсот атмосфер.

– Михаил Павлович? – проговорил главный инженер проекта Боборыкин, руководивший специалистами, обратив лицо к телекамере.

– Начинайте, – пророкотал хрипловатым басом Пименов.

Заворчал мотор спусковой машины, субмарина в ложементе поползла в горловину шахты, исчезла.

– Жду доклада, – сказал Пименов, отключая связь, посмотрел на пилота «Глазастика». – Можете отдыхать, Анатолий Борисович, я вас позову.

– Да мне есть чем заниматься, – улыбнулся Аксёнов, поднимаясь. – Пообщаюсь с ребятами, кое-что уточню.

Пименов отвернулся к экрану компьютера.

Спуск робота обещал быть долгим, надо было преодолеть толщу льда в три с половиной километра, сделав две профилактические остановки для контроля работы всех узлов субмарины, пройти водо-воздушный шлюз, установленный непосредственно у поверхности озера, прямо подо льдом, предназначенный не дать воде рвануться под давлением вверх, и только после этого окунуть торпеду аппарата в озеро. На все эти процедуры планировалось потратить два с половиной часа, поэтому делать пилоту в командном пункте всё это время было нечего.

– Я тоже посижу у себя, – встал Васюченко, имея в виду биолaborаторию. – Подожду свой спутник и пообщаюсь с базой.

Пименов махнул рукой.

– Зайди через часок.

Над Антарктидой постоянно висели спутники, в том числе и военные, не считая пролётных, поэтому связь с «большой землёй», под которой подразумевались Москва, Антарктический институт в Санкт-Петербурге и Академия наук, поддерживалась постоянно, однако у полярников был и «свой» спутник, сканирующий поверхность континента подо льдом, и он

зачастую выдавал весьма интересную информацию о состоянии озёр Антарктиды, давая пищу для размышлений всем специалистам, в том числе – биологам.

Два часа пролетели в обычной неторопливой суете рабочего дня, длящегося практически сутки, так как график у каждого полярника был свой, индивидуально рассчитанный, и вместе они собирались только на завтрак, обед, ужин да на посиделки в кают-компании, если находилась общая тема для разговора или новый фильм, скачанный из Интернета. На станции в данный момент проживало шестьдесят шесть человек. Из них только шестеро не принимали участия в научных изысканиях, обслуживая шахту и субмарину, остальные изучали гидрометеорологический фон вокруг станции, измеряли толщину выпавшего снега на снегомерном полигоне и содержание озона в атмосфере, искали метеориты, монтировали и обслуживали системы жизнеобеспечения, компьютерные системы, исследовали поведение живых организмов в условиях низких температур и низкого давления², ставили эксперименты с фотоэлементной базой, проводили опыты с новыми видами полупроводников и лазерной техникой, и так далее, и тому подобное. Бездельников среди полярников не было, все работали на совесть, хотя многие из них в свободное время любили побаловаться пивком, что не возбранялось, а то и напитками покрепче.

Пименов заканчивал отчёт о проделанной работе, собираясь отправить его в мониторинговый центр Арктического и Антарктического НИИ, когда позвонил Боборыкин и доложил о приближении ответственного момента – пересечения роботом выпускного клапана шлюза и его «предрождественского» омовения в озере.

– Михаил Павлович, мы готовы. Периферия проверена, шлюз в норме, температура воды в районе шахты – плюс два градуса.

– Жара, – улыбнулся Пименов. – Антенну прогнали?

– Так точно.

Имелось в виду, что связь с роботом можно было поддерживать только при наличии кабеля, но разработчики аппарата нашли другой вариант – снабдили «торпеду» акустическим передатчиком, а в озеро окунули антенну. Теперь управлять роботом мог пилот, располагавшийся в командном пункте на поверхности Антарктиды.

– Проведём КФС³ и начнём, – сказал Пименов, вызывая пилота.

Вернулись Аксёнов и Ремзин, впустив в помещение клубы морозного воздуха, заняли рабочие места.

Васюченко, трудившийся в соседнем боксе, подсел поближе.

Пилот натянул дугу наушников, пробежал пальцами по клавиатуре, поглядывая на зревшие экраны системы обзора: включились все телекамеры, установленные на корпусе субмарины.

Контроль функционирования всех узлов сложной машины длился пять минут.

– «Глаз», я «рука», – включил звуковую связь с компьютером робота Аксёнов. – Как меня слышишь?

– Слышу вас хорошо, «рука», – мягким баритоном отозвался «Глазастик». – Жду распоряжений.

– Стандартное погружение.

– Принял.

– Внимание, друзья! – прокашлялся Пименов; настал долгожданный момент, и его волнение почувствовали все полярники. – Выходим в озеро! При малейшем сбое или подозрении на неисправность – докладывать немедленно!

² Практически все антарктические станции, расположенные на куполе ледяного щита Антарктиды, высота которого над уровнем моря достигает четырёх тысяч метров, работают в условиях высокогорья, а при низких температурах этот эффект увеличивается, поэтому для дыхания кислорода не хватает, и полярники вынуждены работать вне станции короткое время.

³ КФС – контроль функционирования систем.

– Хорошо, слышим, всё будет нормально, – откликнулся нестройный хор голосов. Лебёдка в горле шахты пришла в движение.

Камера на носу робота отразила приблизившуюся бликующую плёнку воды.

Пименов передёрнул плечами, будто сам собирался нырнуть в прорубь.

– Купель! – весело объявил Ремзин. – Будь здоров, Глазастый!

По изображениям на всех экранах системы контроля пробежала рябь: субмарина окунулась в воду. Какое-то время были видны только облака воздушных пузырей и бликов, скользящих снизу вверх по фиолетово-чёрному полю. Затем черноту прорезали столбы света включённых прожекторов субмарины, мрак подлёдного озера протаял в зеленовато-серую глубину, и командный модуль станции превратился в пост управления субмарины капитана Немо, каким его представляли создатели фильмов по жюльверновскому роману.

– Глубина пять, – доложил Аксёнов, растопырившись над клавиатурой управления; имелась в виду глубина погружения аппарата в жидкую воду – Температура воды плюс четыре градуса.

Мимо носовой телекамеры проплыла вереница воздушных пузырьков, унеслась вверх. Затем просияло облачко искр, похожее на брошенную в аквариум с рыбками щепотку корма.

– Смотрите! – воскликнул Ремзин.

На левом мониторе появилось изображение изящного создания, напоминающего ажурный нож для масла, отливающий нежно-розовым, коричневым и голубоватым цветом, с длинными шевелящимися нитями плавников. На рыбу оно было мало похоже, не имея ни глаз, ни обычных плавников, зато могло похвастаться «губастым» выступом-клювом, представлявшим, возможно, сонар.

– Головастик! – восхитился Ремзин.

– Этого не может быть! – вцепился в бороду пальцами Васюченко. – Мы поднимали пробы воды только с бактериями!

– Значит, в озере живут не только бактерии, – выдохнул Пименов, набирая на коммутаторе номер главного биолога станции. – Вениамин Самуилович, зайдите ко мне.

Через несколько минут в командный модуль прибежал запыхавшийся начальник группы биологов, доктор биологических наук Балуевский, бородатый, как почти все полярники, но бритый наголо.

За это время камеры «Глазастика» запечатлели ещё несколько живых организмов – крошечных, с ноготок, рачков-бокоплавов, медуз и «живых запятых», не то креветок, не то червей, и это открытие ошеломило Вениамина Самуиловича настолько, что его череп покрылся каплями пота. Замеченную ранее полупрозрачную рыбёшку он назвал протогребневиком, но потом перестал давать названия живности, застыв перед экранами статуй.

Через минуту в командный пост народу набилось под завязку, негде было не то что сесть, но и встать, и Пименов вынужден был ограничить доступ к экранам робота, заметив, что система отопления не справится с таким количеством любопытных.

В этот день аппарат обошёл район вокруг выхода шахты площадью около пятисот квадратных метров и встретил ещё пару десятков созданий наподобие протогребневика, не считая медуз и совсем мелкой живности, что привело всех специалистов по биологии и микробиологии экспедиции в состояние шока: никто из них не ожидал, что подо льдами Антарктиды в озёрах может присутствовать сложная органическая жизнь. О динозаврах, акулах, плезиозаврах и «лохнесских чудовищах» речь не шла, но учёным теперь надо было менять свои представления о жизни в замкнутых тысячи лет экосистемах и пересматривать свои теории.

Выяснились и недостатки аппарата (по мнению тех же биологов): его рука-манипулятор не была приспособлена ловить сантиметрового размера медуз и рыбок, не говоря уже о крошечном планктоне, а специальными сачками робот оборудован не был.

Впрочем, был важен сам факт обнаружения достаточно сложных организмов в озере, считавшемся по одной из версий закрытым не менее тридцати миллионов лет резервуаром.

Собравшиеся в командном модуле возбужденные биологи и их коллеги хотели следить за перемещениями «Глазастика» и дальше, без перерыва на ночь, однако Пименов остудил их восторги, объявив перерыв.

– Завтра продолжим, – пообещал он, уставший от многочасового бдения перед экранами. – Всем необходимо отдохнуть, «Глазастика» тоже.

– Будем вытаскивать наверх? – спросил Боборыкин.

– Нет, не будем, – ответил Пименов, подумав. – Он рассчитан на неделю непрерывного подводного плавания, не замёрзнет.

Перебрасываясь замечаниями, толпа собравшихся полярников стала рассасываться. По комнаткам модуля просвистели сквозняки. Остались четверо: Ремзин, Аксёнов, Васюченко и начальник станции.

– Ничего, что «Глазастик» останется в воде? – нерешительно проговорил Васюченко. – Его не снесёт?

– Там нет подводных течений, – расслабился Аксёнов. – Никуда он не денется, да и комп будет непрерывно следить за положением аппарата, подрулит, если что.

– А если в озере спит монстр? – пошутил заместитель Пименова.

– Монстра уже заметили бы со спутников, – серьёзно возразил пилот робота.

Васюченко пожал всем руки, вышел, впустив ещё один клуб морозного воздуха.

Расслабился и Пименов, вдруг подумав, что хорошо бы сейчас оказаться в родном Мурманске и чтобы дома его встретили жена, дети и горячий ужин...

Следующий рабочий день начался так же неторопливо, как и предыдущий, с общих докладов руководителей групп и уточнения графика работы.

После завтрака в командном модуле снова собрались биологи и полярники, свободные от вахт.

Аксёнов проверил состояние «Глазастика», и подводный аппарат устремился в глубины озера по заранее рассчитанному маршруту. Пименов решил сначала опустить субмарину до самого дна, чтобы измерить точные параметры среды – глубину озера, температуру воды, вязкость, минерализацию, давление, наличие жизни, а потом направить робота к ближайшему «берегу» – откосу дна, поднимавшемуся к нижней границе льдов.

Разговоры в помещении стихли. Обступившие стул начальника станции мужчины замерли, разглядывая проплывающие мимо робота слои воды, пронзаемые световыми тоннелями прожекторов.

В принципе, ничего особенного не происходило, изредка луч света вспыхивал звёздочками освещённых обитателей озера размером с пылинку, да зеленоватую темноту прорезали струйки пузырей. Менялись лишь цифры на глубиномере и табло термометра: температура воды по мере погружения постепенно поднималась и у дна достигла десяти градусов по Цельсию.

Видимость снизилась. Появились желтовато-серые «дымные шлейфы» – хвосты «чёрных курильщиков», выносящих наверх струи нагретой воды с минеральными солями.

– Метангидраты, – заметил кто-то из полярников.

Под аппаратом стали видны пологие холмы донных отложений коричневого, жёлтого и серого цветов. Глубина погружения достигла трёхсот восьмидесяти метров. Скорость движения упала.

– Зависни, – сказал Пименов. – Оглядимся.

В помещении стало душно, система жизнеобеспечения модуля не была рассчитана на пребывание двух десятков человек долгое время.

– Братцы, не мешайте! – взмолился вспотевший Аксёнов.

– Займитесь своими делами, – проворчал Пименов. – Если обнаружим что-либо интересное, я вас позову.

Полярники начали натягивать маски, рукавицы, застёгивать парки, потянулись к выходу, наполняя домик клубами морозного воздуха.

Пименов отвлёкся на беседу с геофизиком экспедиции, заведующим кафедрой Новосибирского университета. Учёный предлагал взять пробы грунта.

Аксёнов включил сонар и радиолокатор, способный просвечивать горные породы толщиной до десяти метров.

Ремзин затеял беседу с компьютером станции, ласково называя его Антошей. Речь шла о систематизации аномальных явлений в районе станции, к которым относилось и недавнее падение метеорита на ледовую грядку Воке в пятнадцати километрах от станции, недалеко от места расположения станции «Восток». Полярники уже съездили туда на снегоходе, но дырку от метеорита не нашли.

Васюченко вообще перестал смотреть на экраны, разочаровавшись в своих ощущениях.

«Глазастик» повернул на юго-запад, ближе к леднику Росса, начиная подниматься вдоль откоса котловины, занятой озером.

Биологи о чём-то заспорили.

И в этот момент Аксёнов издал неразборчивое восклицание.

Головы полярников повернулись к нему.

Носовой луч субмарины осветил впереди ряд возвышений, имевших вполне осмысленную форму. Больше всего они походили на рёбра стиральной доски, только в сотни раз больше. И насчитывалось их не менее двух десятков, собранных в единый рельеф «доски», поднимавшийся под небольшим углом к «берегу».

– Гребёнка? – недоверчиво проговорил Ремзин.

Пименов пришёл в себя.

– Подними нос, посвети выше.

Аксёнов повернул рули робота, включил ещё один прожектор.

Стали видны угловатые наросты на конце валов, похожие на коленные узлы, заплывшие илом, а за ними в желтоватой полутьме поднимался за наростами купол строгой геометрической формы, кое-где бликующий под лучами прожекторов.

– Мать честная! – ахнул Васюченко. – Крепость, что ли?!

– Зря я не поспорил, – огорчённо шлёпнул ладонью себя по бедру Ремзин.

– О чём?

– Иваныч вчера скептически отозвался о находках разрушенных городов подо льдом, о которых сообщали в СМИ, я возразил, что мы будем первыми, кто найдёт остатки цивилизации, но спорить не стал. Кто ж знал, что мы в первый же выход наткнёмся на город?

– Это может быть обычный гребневой вулканический выброс... потоки лавы...

– Ага, и при этом абсолютно параллельные потоки, будто их ровняли. А купол за ними? Тоже вулканический?

– Локатор что-нибудь показывает? – подсунулся к экранам Васюченко.

– Что-то зернистое, – сказал Аксёнов, – дырки какие-то.

– Странно.

Замолчали, разглядывая удивительный подводный ландшафт.

– Зови Иваныча, – сказал Васюченко, имея в виду руководителя группы геологов, в которую входили и специалисты по археологии, – пусть посмотрит. Кажется, наша тихая жизнь кончилась.

Он оказался прав. Сообщение о находке, посланное в Москву, возбудило не только руководство Антарктического института, но и спецслужбы России, а также разведки других стран, претендующих на открытие древней цивилизации Антарктиды.

Москва, Национальный центр управления обороной России (НЦУО).

13 декабря, утро

Перед тем как появиться в кабинете директора НЦУО, министр сделал небольшую прогулку по тихим ковравым коридорам зданий комплекса, начав со своего кабинета, выходящего окнами на улицу Знаменку, и закончив экскурсию в главном оперативном зале управления и взаимодействия.

В сопровождении заместителя, ничем не выдавшего своего удивления по поводу странного желания министра, он спустился в холл здания на Фрунзенской набережной, постоял напротив огромного синего шара, изображавшего Землю, с красными пятнами континентов и надписью: «Национальный центр управления обороной Российской Федерации», – зашёл в левое крыло здания, занятое информационно-аналитическими отделами, поговорил с начальником информационного управления, обсудил что-то с командующим военно-космическими силами, задумчиво обошёл центральный зал и только потом поднялся на пятый этаж комплекса, охраняемого так тихо и незаметно, будто центр являлся не секретнейшим объектом, созданным для мониторинга и анализа военно-политической, социально-экономической и общественно-политической обстановки в мире, а каким-то МФЦ, охраняемом по стандартной схеме соблюдения порядка в общественных учреждениях.

Впрочем, это впечатление было ложным. НЦУО был защищён с помощью новейших охранных технологий и специальных средств защиты так же хорошо, как и пресловутый американский Пентагон. Правда, в отличие от Пентагона, получившего в две тысячи первом году «пробоину» в левом крыле здания, к центру невозможно было подлететь на расстояние ближе двадцати километров, на любой высоте, начиная с самой малой, и с любой скоростью.

Ровно в одиннадцать часов утра министр вместе с первым заместителем генералом Леонтьевым вошли в кабинет начальника НЦУО Кулакова Николая Михайловича, где главу ведомства уже дожидались приглашённые лица: директор Главного разведывательного Управления (ГРУ) Волгин, начальник штаба МО Толстой, главком ВМФ адмирал Сурмянов, директор Службы внешней разведки Мягков, директор ФСБ Калинин, секретарь Совета безопасности Чашин и хозяин кабинета, молодой, подтянутый, с модно подбритыми висками.

Впрочем, министр был не намного его старше, в январе у него намечался «промежуточный» юбилей – сорок пять лет, но опытом он обладал изрядным, а его решительность в отстаивании интересов государства на всех направлениях, в военном строительстве и привлечении креативных умов, и ещё больше – в защите всей структуры министерства перед финансовыми органами, Госдумой и президентом, снискала уважение у всех сотрудников ведомства, в том числе – у офицерского состава и руководителей Управлений.

Министр вошёл.

– Товарищи генералы! – поднялся начальник НЦУО; он единственный из присутствующих был одет в генеральский мундир.

Сидящие за Т-образным столом мужчины дружно встали.

– Без церемоний, – поздоровался с каждым за руку министр.

Начальник центра уступил ему своё место.

Министр занял кресло, надел очки, раскрыл захваченный с собой планшетник.

Остальные также раскрыли свои персональные компьютеры.

– Несколько вводных предложений, – продолжал министр, смуглолицый, черноволосый, с плоским как у утки носом, не урод, но и не красавец, в чёрных глазах которого невозможно было прочесть ничего, кроме вежливой внимательности.

Отец министра, бывший подводник Евтюх Павел Емельянович, был белорусом, мать – из эвенков, но по этому поводу подчинённые никогда не шутили. Министра уважали везде и все и между собой называли не иначе как Сам: Сам на совещании у того-то, Сам велел сделать то-то.

– Мы получили два важнейших сообщения, – посмотрел на собравшихся министр поверх очков. – От службы мониторинга Антарктиды и от руководства Антарктического института. Наши спутники помимо развалин городов подо льдами и в озёрах южного материка обнаружили сеть тоннелей, соединяющих озёра и обнаруженные развалины. Робот-лодка, спущенная в озеро Восток полярниками станции «Южный полюс», наткнулась на неизвестный объект искусственного происхождения. Прорентгенить его не удалось, но контуры определены с точностью до десятка сантиметров. Это купол под осадочным слоем, расположенный на северо-западном «берегу» озера, высотой в двести сорок метров и диаметром в полкилометра.

Окружён сетью валов длиной до двухсот метров как медуза щупальцами. Теперь ознакомьтесь с тезисами докладов.

Все уткнулись в экраны планшетников, даже директор ГРУ, хотя он получил донесения об открытиях на южном континенте раньше всех, даже раньше директора СВР.

Чтение не заняло много времени.

– Мирон Андреевич? – посмотрел на главу ГРУ министр. – У вас есть что добавить?

– Неделю назад у секдефа⁴ США собиралась интересная компания, – сказал генерал Волгин, самый неприметный из всех присутствующих, сероглазый, несуетливый, худой, как подросток. – Говорили об Антарктиде. К сожалению, записи переговоров у меня нет, но по косвенным данным речь шла о готовящейся провокации в отношении нашей станции «Южный полюс» и о посыле к Антарктиде субмарины и эсминца. Субмарина «Висконсин» уже вышла в океан из порта Кейптауна в Южной Африке, эсминец «Трамп» тоже вышел из порта Аннабел в Австралии и обогнул Тасманию.

– Серьёзные машины, – проворчал начальник штаба.

Волгин посмотрел на него с сомнением, но возражать не стал.

– Мы разработали план ответных действий, – сказал министр. – Евгений Анатольевич, раскройте в общих чертах.

Замминистра пробежался пальцами по клавиатуре планшета.

– Стратегия действий министерства в Антарктиде разрабатывается, – сказал он. – Приоритеты – охрана зон российских научно-исследовательских станций, строительство баз на шельфах Росса и Земли Уилкса, усиление патрулирования прибрежных морей со стороны ВМФ и ВКС.

– А конкретно? – полюбопытствовал директор СВР.

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить, – сказал Евтюх, снимая очки. – Проблема слишком серьёзна и требует досконального расчёта действий. Американцы в море сильны, слов нет, но и мы кое-что успели подтянуть за последние десять лет. Пора укоротить их шаловливые ручки. Прошу, Мирон Андреевич.

– Предлагается следующая конкретика, – начал глава ГРУ, кинув взгляд на экран планшета. – Организовать и забросить в Антарктиду спецгруппу для изучения артефактов, найденных в озере Восток. Группе придать недавно разработанный в КБ «Сормово» глубоководный аппарат – мини-подлодку-батискаф, имеющую собственную силовую установку и двигатель. Название подлодки – «Краб», она проходит сейчас испытания в Баренцевом море. Группа должна будет найти вход в тоннель из моря Росса под его шельфовым ледником, дойти до озера Белла и оттуда – в озеро Восток. Кислородом и всем необходимым мы обеспечим группу с помощью робота «Глазастик». Это вкратце всё.

⁴ С е к д е ф – сокращённое название министра обороны США (от *англ.* Secretary of defense).

По рядам сидящих прошло движение. Серьёзные люди, привыкшие брать на себя ответственность за судьбы страны, молча обдумывали предложение руководителя Главного разведуправления.

– Вы уже просчитали план, Мирон Андреевич? – задал вопрос директор ФСБ.

– Уточняются детали.

– Каким образом вы собираетесь доставить спецгруппу в Антарктиду?

– Чем быстрее мы запустим процесс, тем больше у нас шансов опередить американцев.

– То есть вы хотите послать самолёт?

– Это было бы лучше всего, но тогда группа останется без прикрытия и поддержки, что резко снижает вероятность благополучного исхода экспедиции.

– Быстроходный корабль, – предложил глава НЦУО.

– В акваторию Китайского моря из Владивостока вышел наш новейший эсминец «Стремительный», выполненный по технологии «стеле», с «калибром» на борту, – добавил начальник штаба МО.

Волгин отрицательно качнул головой.

– Все надводные корабли и воздушные суда будут отслежены американцами. Их система спутникового сканирования работает не хуже нашей. Мы посоветовались с Сергеем Сергеевичем, – начальник ГРУ посмотрел на главкома ВМФ, и головы всех сидящих повернулись к Сурмянову, ответившему кивком, – и решили остановиться на подлодках.

Присутствующие оживились, перекинулись репликами.

Министр их не останавливал, терпеливо ожидая окончания переговоров.

– Что выбрали? – поинтересовался певучим говорком директор Службы внешней разведки.

– Нужна большая лодка, – сказал с сомнением секретарь Совбеза. – Чтобы вместить ваш батискаф. Причём со специальным механизмом выпуска аппарата в воду.

– «Акула», – хмыкнул директор ФСБ. – Ныряет на шестьсот метров, скорость тридцать узлов.

Волгин снова мотнул головой.

– Ни одну из спущенных на воду атомных подлодок невозможно оснастить мини-лодкой. Она больше любой ракеты, больше «Булавы» и «Синевы». То есть переоборудовать можно, но это обойдётся бюджету министерства в немалую копеечку, а главное – затянется на месяцы, что недопустимо в данной ситуации.

– И проект 941⁵ не потянет? Можно было бы поместить батискаф в лодку разобранным, а на месте собрать и выпустить.

Волгин покосился на Сурмянова.

– Мы думали над этим, – признался главком. – Любой «Ясень» или «Борей»⁶ мог бы взять груз и быстро доставить в любой район океана, но опять-таки всё упирается в скрытность доставки груза, – не будем же мы собирать «Краба» под водой? – и в сроки выполнения задачи.

– Значит, подлодки отпадают?

– «Лира», – хмыкнул Калинин.

Присутствующие посмотрели на главу ФСБ, невозмутимо поигрывающего карандашом, лежащим на столе; ни авторучки, ни часы, ни мобильные телефоны иметь на таких совещаниях не полагалось.

Министр улыбнулся.

⁵ Подводные атомные ракетноносцы типа «Тайфун», субмарины третьего поколения.

⁶ Атомные подводные крейсера четвёртого поколения.

– Константин Фёдорович все структуры держит на контроле. Речь идёт о только что спущенном на воду подводном перехватчике проекта 705 АА «Лира». Пресса об этом ещё не знает. Название ракетноносца – «Грозный». Сергей Сергеевич, поделитесь подробностями.

Главком ВМФ повернул планшет, чтобы присутствующие могли разглядеть в экране изображение подлодки.

– Вообще-то проект «Лира» был заморожен в конце девяностых, – сказал он. – Слишком много внимания требовал жидкометаллический реактор субмарин, несмотря на несомненные технологические преимущества и тактико-технические данные. Вернулись к нему всего шесть лет назад, и со стапелей владивостокского «Арсенала» только что сошёл совершенно новый ПЛАРК⁷ «Грозный» с пароводяным реактором, аналогов которому в мире нет и долгое время не будет.

– Молодцы, – усмехнулся секретарь Совбеза. – Хранили в секрете до последнего.

– О спуске «Грозного» до сих пор никто не знает, – подтвердил главком. – И, надеюсь, ещё долго не узнает. Ему предстоит ходовые и боевые испытания, под которые вполне сойдётся рейд к Антарктиде.

– Он может взять на борт мини-лодку?

– Уникальная разработка наших корабелов – модуль для самолёта со сложенными крыльями. Вместо самолёта в модуль можно поместить мини-подлодку.

Члены совещания переглянулись.

Новость не только удивила, но и заставила генералов испытать чувство гордости за отечественную технику.

– Характеристики лодки – тайна? – спросил директор НЦУО.

– Для вас нет. Подводная скорость хода – пятьдесят пять узлов...

У всех собравшихся вырвался вздох: лодки последнего – четвёртого поколения и поколения 4++ ходили под водой со скоростью до тридцати пяти узлов⁸.

– Глубина погружения – восемьсот метров, – продолжал Сурмянов, – время оверлайна – пол минуты.

– Фантастика! – сказал Калинин. – Я не моряк, но понимаю, в чём фишка. Нашим смертельным заокеанским друзьям далеко до таких параметров.

Он был прав: ни одна субмарина в мире не могла совершать оверлайн – поворот на сто восемьдесят градусов – за тридцать секунд.

– Вооружение?

– Благодаря новым материалам и удачной компоновке мы втиснули в неё двенадцать морских «Калибров», восемь «Гранатов»⁹ и восемь торпедных аппаратов с торпедами «Водопад» и ракетно-торпедами «Шквал-ДД»: четыре в носу, по одному с боков лодки и два аппарата сзади. В результате это не лодка – настоящий перехватчик, истребитель лодок любого типа!

– Фантастика! – с искренним уважением повторил директор ФСБ. – Жаль, что у нас только один такой перехватчик.

– Строятся ещё четыре, – успокоил его главком.

– Хотелось бы услышать ваши соображения по этому поводу, – сказал министр. – Может быть, у кого-то есть сомнения в целесообразности операции, деловые предложения?

– Кто будет возглавлять операцию? – деликатно спросил глава СВР.

– Я, – выпрямился начальник ГРУ, быстро поправился: – Мы.

– Понятно.

⁷ Подводная атомная лодка с крылатыми ракетами.

⁸ 65 км в час, 55 узлов – 102 км в час.

⁹ «К а л и б р» – крылатые ракеты с дальностью пуска до 3000 км, «Г р а н а т» – противокорабельные ракеты с дальностью стрельбы до 300 км.

- У вас есть возражения? – поднял брови Евтюх.
- Никаких. Но я не понимаю, какова наша роль в решении проблемы. Если вы берёте под контроль всю операцию...
- Понадобится концентрация усилий всех наших структур, – веско сказал министр. – Это не обычный разведрейд или судебное исполнение. На кону безопасность государства.
- Не перегибайте палку, Петрян Павлович, – поморщился директор ФСБ. – Нас не нужно учить патриотизму.
- Я не перегибаю, – без каких-либо эмоций пожал плечами Евтюх. – Я так думаю.
- А кандидатуры в спецгруппу уже отобраны? – полюбопытствовал Калининцев. – Сколько в неё войдёт бойцов?
- Максимальная загрузка «Краба» – семь человек, включая членов экипажа и пассажиров. Если ужать экипаж до двух человек – командир, он же рулевой, плюс старпом, то батискаф возьмёт на борт пятерых.
- Кто будет рулить?
- Решаем, – сказал главком.
- Командир группы?
- Министр бросил взгляд на главного разведчика.
- Командиром группы будет наш сотрудник, – сказал Волгин. – Майор Вербов. Он сейчас на задании, но должен вот-вот вернуться. Остальные...
- Давайте свои предложения, – перебил его Евтюх. – Это должны быть профессионалы до мозга костей, подводники, способные работать в экстремальных условиях, боевые пловцы, мастера диверсионных дел, знатоки палеоархеологии и спецтехники. И так далее.
- Таких найти трудно, – покачал головой секретарь Совета безопасности. – Вряд ли в одном человеке соберутся все нужные качества. Что-то я не припомню, чтобы существовали археологи, в совершенстве владеющие боевыми искусствами и свободно общавшиеся с аквалангами.
- Поищем, – коротко сказал Калининцев.
- В таком случае прошу высказываться по сути дела, – сказал министр. – Проблема должна быть решена в сжатые сроки.

Латвия, г. Вентспилс.

14 декабря, утро

Сидели за столиком у окна с видом на парк, Айварс Рембергс пил местное пиво, а Денис Вербов – кофе, поглядывая на зимний бесснежный латышский пейзаж. Сообщения от агента в порту пришлось ждать больше часа, и Айварс первым предложил «взорвать фугас» – выпить «дрексель» – бутылочку пива, но Вербов вообще не употреблял алкоголь и от пива отказался.

Кафе «Vertikale V» располагалось на окраине парка, недалеко от Вентспилсского порта, и в этот утренний час практически пустовало. Заглядывали сюда только местные парковые рабочие да любители пеших прогулок, в большинстве своём преклонного возраста.

Собеседник Вербова служил в местной полиции, хотя и не носил мундир офицера. По-русски он говорил чисто, почти без акцента, рассуждал о политике и истории здраво, как человек с российским менталитетом, и Вербов очень хорошо понимал латыша, потому что и сам был близок к его мироощущению.

– Жизнь всё больше и больше заставляет меня ненавидеть людей, – флегматично вещал Рембергс, потягивая тёмное «Звайгзне». – В политику всё больше лезут шельмецы, авантюристы, лжецы и негодяи, что у вас, в России, что у нас, в Латвии. Соседи всё больше шумят

по вечерам и ночам, не дают спокойно отдохнуть. Водители ошалели, по поводу и без повода нарушая ПДД. Террористы взрывают всех подряд. Переселенцы из Азии начинают устраивать охоту на женщин. И даже коты перестают играть с хозяевами и начинают кусаться как собаки.

Вербов улыбнулся в ответ на последние слова собеседника, давно сотрудничавшего с разведкой России. Будучи стопроцентным прибалтом, Рембергс был нетороплив, обстоятелен и философски рассудителен, но при этом мог вспыхнуть как спичка и действовать энергично. Вербов относил его к типу людей, предпочитавших меланхолично наблюдать за штормом, в отличие от людей другого типа, любящих грезить, глядя на текущую воду ручья. Сам он относил себя к третьему типу характеров – тех, кто любил смотреть на зыбь огромных морских просторов.

– У вас живёт кот?

– Он-то живёт, – уныло вздохнул Рембергс. – А я вынужден его кормить и терпеть его острые когти.

Вербов хотел спросить – женат ли владелец кота, но полицейский остановил майора, подняв палец. Гарнитура его мобильного телефона была не видна, но и так было понятно, что он получил вызов.

– Минуту... понял. – Рембергс отставил почти опустевшую бутылку. – Начали разгрузку, пора.

Вербов достал бумажник, собираясь расплатиться; в Вентспилсе в ходу были местные деньги – венты, но можно было расплачиваться и латами, и евро.

– Я сам, – оттолкнул руку майора Рембергс.

Вербов вышел из кафе на тихую, не загруженную транспортом улочку Dienvidu mols, ведущую к побережью залива, открыл дверцу мини-вэна «Фольксваген» с затемнёнными стёклами. За рулём мини-вэна сидел полицейский капрал, но и он был сотрудником российской разведки и на появление Вербова, одетого в модную куртку из материала, обладающего голографической глубиной (при любом движении обладатель такой куртки буквально исчезал), не отреагировал.

Вышел Рембергс, поворочал головой, сел рядом с водителем.

– Pārvietots¹⁰.

«Фольксваген» отъехал от кафе, повернул по ближайшему переулочку направо, в парк.

Вербов распаковал коробку в салоне машины, вынул небольшой квадрокоптер немецкого изготовления, пульт управления.

Мини-вэн заехал на лужайку, зелёную даже в этот зимний день, но окружённую серыми шпалерами потерявших листву кустарников.

Вылезли, запустили дрон.

Вербов сел на раскладной стульчик, заботливо прихваченный полицейскими, удобнее пристроил на коленке ноут с экраном, по которому скользили, качаясь, серо-жёлтые, с редкими зелёными и коричневыми пятнами, пейзажи местности, снимаемой камерами аппарата.

Водитель мини-вэна исчез за кустами, намереваясь не подпускать к лужайке гуляющих по парку, если они появятся.

Надобность в этой операции назрела давно.

Из переговоров латышских военных чиновников агентуре ГРУ стало известно о секретной передаче военными США латышским властям дивизиона противоракет второго поколения Block 1B системы Aegis, что нарушало не только прежние официальные декларации о неразвёртывании таких систем в Европе вообще и в Прибалтике в частности, но и неофициальные договорённости министров двух стран. Поэтому Вербов и получил задание раздобыть

¹⁰ Pārvietots – двинулись (латышск.).

документальные подтверждения доставки Aegis, чтобы чины высокого уровня могли уличить в «подлянке» заокеанских «партнёров».

Акт о передаче дивизиона ПРО он уже имел на руках, активировав старую «партизанскую» сеть, оставшуюся в Латвии ещё с советских времён. Теперь же собирался закончить задание посылкой видеоматериалов о выгрузке ракет и их транспортировке к месту назначения, что послужило бы неопровержимым свидетельством подлых намерений американских «ястребов» и местных латышских властей.

На экране дрона появилась синяя полоса – западная часть залива перед портом, с единственным причалом в виде буквы «Г», у которого стоял всего один корабль. Это и был американский ролкер – морской сухогруз «Don Cook», курсирующий по морям и океанам под флагом Маршалловых островов. По официальным документам, он привёз в Вентспилс автотехнику и стройматериалы. На самом деле в контейнерах на его борту, по данным разведки, находились ракеты класса Standard Missile-3 и комплексы ПРО Aegis.

Ролкер «Don Cook» был огромен, его длина достигала двухсот метров. Он едва уместился у причала, не рассчитанного на приём таких гигантов. Для разгрузки судов подобного класса требовались специальные ramпы и определённая сноровка. Тем не менее его не завели в порт, чтобы о разгрузке не прознали журналисты и общественность, и всю зону причала окружили двойным кольцом охраны, соблюдая особую секретность миссии, способной всколыхнуть СМИ не только в Латвии, но и в Европе.

Вербов поднял дрон повыше, вывел его над кранами, снимающими с палубы корабля синие морские контейнеры. Затем снял процесс погрузки контейнеров на один из контейнеровозов. Как иногда бывает, – подглядывающим в замочную скважину приходит на помощь случай, – крановщик сделал ошибку, и один из контейнеров сел на платформу грузовоза криво, а затем и вовсе сполз на бок и застрял.

Вокруг засуетились рабочие в сине-жёлтых робах, пытаясь освободить угол контейнера, зацепили тросы, начали поднимать, он сорвался, ударился торцом о бетонные плиты причала и раскрылся. Изнутри посыпались на причал серебристые тубусы диаметром чуть больше полуметра и длиной в пять.

Вербов опустил беспилотник ещё ниже, прицельно снял маркировку на тубусах. Выдохнул:

– Ну и ну! Класс!

– Что такое? – подошёл Рембергс.

– Теперь точно не отвертятся! Эти идиоты не удосужились закамуфлировать груз, так и загрузили в спецконтейнерах с американскими блямбами! Осталось посмотреть, куда они повезут ракеты, и можно будет расслабиться.

На всякий случай он зашифровал запись, вытащил из ноута антенну спутниковой связи, передал всё снятое на один из военных спутников, постоянно висящих над Балтикой.

Разгрузка-погрузка «стройматериалов» длилась два часа. Всего на машины были установлены двенадцать контейнеров, после чего колонна десятиосных автомобилей марки «Катерпиллер» устремилась от причала по улице Южный мол на восток, в обход порта и парка.

– Свернули на Крона йела. Куда они могут направляться? – поинтересовался Вербов, разминаясь: ноги затекли от долгого сидения на стульчике. – Неужели так и повезут автотранспортом?

– Крона йела переходит в Локку йела, та в улицу Валдемара. Оттуда можно ехать куда угодно. Но я думаю, что комплексы повезут на станцию Вентспилс Южный, а оттуда идёт только одна железнодорожная ветка – в Лиепаю.

– Дивизион будет развёрнут там?

Рембергс флегматично развёл руками.

– Одному американскому богу известно.

– Почему американскому? Латышскому тоже.

Из-за кустов вывернулся спешащий спутник Рембергса.

– По Диенвуду пеленгатор проехал.

– Пеленгатор? – удивился Вербов. – Этой техникой давно никто не пользуется. Или с войны от немцев осталась?

Рембергс на шутку не отреагировал.

– Поляки «техпомощь» представили для поиска русских диверсантов. На полном серьёзе.

– Но ведь сейчас можно и по мобиле связаться с кем угодно. Рацию вообще легко встроить в любой гаджет. – Вербов оттянул рукав куртки, показывая браслет часов. – Видите?

Рембергс мигнул.

– Рация?

– Смарт-фэшн, навороченный коммуникатор, в нём и рация, и процессор, и шокер.

– Вам, русским, хорошо, вас президент снабжает всем необходимым, а наш только ищет, кого бы укусить. Что будем делать?

– Пеленгатор! – фыркнул Вербов. – Очуметь можно! Сворачиваемся, друзья, не будем рисковать.

– Адрон?

– Дрон? – Вербов поколдовал над клавиатурой. – Придётся пожертвовать.

Квадрокоптер начал подниматься над местом событий, устремился в сторону моря. В сотне метров от берега он спикировал вниз, врезался в воду и взорвался уже под водой. Экран блока управления аппаратом стал серым.

Где-то недалеко послышался приближающийся вой патрульного автомобиля.

Мужчины обменялись взглядами.

– Похоже, нас вычислили, – флегматично заметил Рембергс.

– Можно уйти по Медун йела севернее, а там вдоль берега на Енкуру и на юг, – предложил второй полицейский.

– Попробуем, – кивнул Рембергс, подталкивая Вербова к машине. – Садитесь.

Мини-вэн вырулил с поляны на пешеходную дорожку, свернул направо, пересекая парк.

Завывание полицейской сирены отдалилось, но потом снова начало приближаться.

– К берегу! – приказал Вербов. – Переходим на вариант «Б»! Сможете увлечь коллег за собой?

– Попробуем.

– Почему они появились здесь? Ждали?

– Может, кто-то заметил беспилотник.

– Ладно, разбирайтесь. Надеюсь, вас не заподозрят в раскрытии гостайны.

– А вы как?

– Я найду способ скрыться, вам сообщат.

Делиться с латышами подробностями варианта «Б» Вербов не стал. Их могли задержать и допросить с пристрастием, а незнание обстоятельств отхода русского шпиона позволяло им честно отвечать на любые вопросы с помощью фонов «не знаем» и «не видели».

«Фольксваген» выскочил на улочку Крона, идущую к берегу в обход небольшого пруда, свернул на улицу Пиеминас.

– Тормози!

Капрал послушно остановил машину у тротуара набережной, ограждённой резной чугунной решёткой.

Вербов закинул за спину рюкзак-сумку, в которую уложил ноут и пульт управления дроном, рванул дверцу салона.

– Гони!

Автомобиль сорвался с места, резво помчался в сторону порта, вписываясь в линейку неспешно едущих машин.

Вербов огляделся, перемахнул через ограду, присел под бетонную стеночку спуска к морю, переждал проезд преследователей.

Мелькнул бело-синий полицейский «Форд» с включёнными мигалкой и сиреной.

Вербов вытащил из браслета усик антенны, поднёс коммуникатор ко рту, проговорил торопливо:

– Контроль-один, я Тень, переход на «двойку», время выхода в точку эвакуации – час, время ожидания – ещё час. Отбой контакту!

На корпусе часов мигнул синий огонёк: сигнал ушёл на военный спутник.

Вербов поднялся и зашагал к ближайшему причалу для местных катерков, обслуживающих пассажирское сообщение западного района береговой зоны Вентспилса. Смешался с небольшой толпой жителей города, ожидавших прибытие катера. Вариант «Б» был продуман с максимальной тщательностью, оставалось только методично следовать рекомендациям, не вызывая подозрений у окружающих.

Сквозь расходящиеся облака выглянуло низкое зимнее солнышко.

– Лабе лайкс¹¹, – сказал Вербов одобрительно, улыбнувшись пожилой паре.

Они вежливо ответили (он не понял, что именно), но разговор прервался, потому что подошёл катер, и все стали по трапу подниматься на борт. Взошёл и Вербов, поглядывая на набережную, по которой промчались ещё два полицейских автомобиля. Подумалось: хоть бы парни отговорились!..

Через полчаса он сошёл на берег ближе к устью Венты, нашёл в конце дебаркадера маленький катерок с цифрами «018» на борту, взобрался на палубу, и катерок устремился в море. Подождав прохода парома «Травемюнде», он благополучно выбрался на рейд Балтийского моря, встретив ещё два кораблика, и остановился в десяти километрах от берега.

Рулевой, мрачного вида бородач неопределённого возраста и непонятной национальности, молча вытащил из кубрика на корме катера резиновый мешок, передал пассажиру.

– Спасибо, – поблагодарил Вербов, начиная переодеваться.

Вскоре он в костюме аквалангиста нырнул в воду, держа в руке мешок с упакованными в него личными вещами, туфлями, одеждой и аппаратурой. Часы снимать не стал, они были водонепроницаемы и выдерживали погружение на тридцати метровую глубину.

Ещё через полчаса его подобрала подводная лодка проекта 865 «Пиранья-М», специализирующаяся на высадке десанта и тайных береговых операциях.

Порог квартиры он переступил вечером того же дня, спустя одиннадцать часов после спешного бегства из Вентспилса.

«Пиранья» всплыла два часа спустя в российской части акватории Балтийского моря, высадила пассажира на эсминец «Дерзкий», вертолёт эминца доставил его в Калининград, а оттуда он вылетел в Москву как обычный турист, которому необходимо было попасть в столицу.

Ещё на эсминце стало известно, что помощникам майора латышским полицейским удалось доказать свою лояльность спецслужбам Латвии, прикрывающим тайную доставку в страну американских ракет, и Вербов вздохнул с облегчением. Парни рисковали серьёзно и могли получить реальные сроки вплоть до пожизненного заключения «за пособничество русским шпионам». Однако обошлось.

Жил Вербов в Подмоскowie, в Павшине, районе, удобно устроившемся между Московской кольцевой автодорогой и Красногорском. Квартиру он себе не выбирал, она была служебная, расположенная всего в одиннадцати километрах от базы ГРУ «Синяев», но за год службы

¹¹ Labs laiks – хорошая погода (латышск).

она стала почти родной, и возвращался майор из частых командировок в свой «скворечник» – двухкомнатная минималка венчала шестнадцатизатку – с удовольствием.

Женился он, ещё будучи курсантом Мурманской мореходки, в девятнадцать лет, но неудачно. Жене хотелось блистать в обществе, так как она причисляла себя к «богеме», участвуя в городских конкурсах красоты (где Вербов с ней и познакомился), а он не мог предложить ей ничего кроме общежития на берегу Кольского залива и судьбы жены моряка. Разошлись спустя два года, уже после того, как Вербова заметили в морском спецназе, благодаря его успехам в единоборствах, и он возглавил спецгруппу бригады морских диверсантов. Не помогли ни увещевания свекрови, матери Дениса, ни успехи самого Вербова, ни даже его умение готовить, что передалось ему от деда и отца, знающих толк в приготовлении любых мясных и прочих блюд.

В двадцать четыре он поступил в Академию Генштаба МО России, в двадцать пять отличился в спецоперациях в Сирии и Турции, в двадцать семь закончил разведшколу и через год получил звание майора, после чего его и перевели в ГРУ, предоставив квартиру в Павшине.

Вернувшись из Латвии, Вербов собрался было пригласить на следующий день друзей, преимущественно сослуживцев, и приготовить им настоящий лагман, однако судьбе было угодно распорядиться иначе, и встречу пришлось отменить.

В половине двенадцатого, когда уставший Вербов устраивался спать, позвонил начальник оперативного управления ГРУ полковник Зотов.

– Извини, майор, что поздно. Знаю, что после завершения турпохода тебе полагается отпуск, но дело важное, ты нам нужен.

– Неужели опять в Сирию пошлёте? – пошутил Вербов. – Или на Украину?

– В Сирию? – удивился Зотов. – А-а... нет, прокатишься по России. У тебя какие планы на завтра?

– Да так, ничего особенного, хотел устроить мужские посиделки, а послезавтра махнуть к родителям.

– Отлично, слетаешь, ты же мурманский? Но не послезавтра, а завтра, вылет в обед. Инструкции получишь утром.

– В Мурманск? – уточнил сбитый с толку Вербов.

– Именно, повидает своих, а к вечеру тебя встретят в Североморске.

– Где? – удивился Вербов.

– На базе подлодок. Жду утром пораньше, всё объясню.

– Но я же не... – начал Вербов, вслушиваясь в раздавшиеся звоночки отбоя, закончил машинально: – составил отчёт.

Зотов не зря руководил оперативниками ГРУ, долго объяснять подчинённым свою позицию он не любил и медлительных сотрудников в своём подразделении не держал.

Новость была из разряда неожиданчиков, но уснул Вербов быстро, отложив все возникшие вопросы на завтра. Нервы у него были крепкие.

В девять часов утра он вошёл в кабинет Зотова на втором этаже здания министерства на Знаменке и застал там кроме начальника управления молодого мужчину с седыми висками, одетого в простой серый костюм и пуловер, и красивую девушку с внимательными зеленоватыми глазами и алыми (без всякой помады) губами.

– Знакомьтесь, – сказал сухощавый, костистый, скуластый Зотов.

Гости встали из-за стола.

– Майор Вербов Денис Геннадиевич, рэкс, барс, чемпион ВМФ по унвабу¹².

Вербов коротко поклонился, выдерживая двойной изучающий взгляд.

– Полковник Щёголев Вениамин Родионович, военная контрразведка.

¹² У н в а б – подводный бой (от *англ.* underwater battle).

Мужчина с седыми висками подал руку.

Вербов пожал. Рукопожатие оказалось сильным, пришлось напрячь мышцы.

– Вершинина Инга Максимовна, майор ФСБ, отдел спецопераций.

Зеленоглазая улыбнулась, ноздри её красивого носа затрепетали: она уловила запах одеколона Вербова, предпочитавшего пользоваться новым «Эльхомме идеал» с «радикально мужским ароматом».

– Вкусно пахнете, майор. – Девушка подала руку.

Вербов осторожно сжал её пальцы, хотя рука у сотрудницы ФСБ была сухая и твёрдая, как у спортсменки.

– Присаживайтесь, – сказал Зотов.

Расселись вокруг стола. Щёголев и Вершинина по одну сторону, Вербов напротив.

– Прошу вас, Вениамин Родионович.

Контрразведчик повернулся к Вербову.

– Наслышан о ваших подвигах, майор. Поздравляю с благополучным возвращением из дружественной Латвии.

– Пустое, – с наигранным простодушием ответил Вербов.

– Вы случайно когда-нибудь не интересовались Антарктидой?

Вопрос застал Вербова врасплох, но он не позволил себе изменить выражение лица.

– В тех краях я не бывал.

– Не хотите познакомиться?

Вербов перехватил весёлый взгляд Зотова, помолчал.

– Вы предлагаете мне экскурсию в Антарктиду?

– Совершенно верно. Требуется командир спецгруппы для десанта в недра озёр Антарктиды на глубоководном аппарате «Краб». Доводилось плавать на батискафах?

– Два спуска на «Вестере».

– «Краб» побольше и посовременней, это вообще-то мини-подлодка специального назначения. Экипаж три человека, в группе пятеро, всего восемь. Майор Вершинина будет вашим заместителем. Она прошла спецподготовку.

Вербов внимательней присмотрелся к девушке, и ему понравилось, как она держится – без фальши, без ноток снисходительности и женских ужимок, демонстрируя характер уверенного в себе человека.

– Цель заброски?

Щёголев посмотрел на Зотова.

– В общих чертах – нырнуть под воду в море Росса, – сказал начальник управления, – найти подводный тоннель и по нему добраться до озера Восток. С деталями ознакомишься во время перебазирования в Североморск, точнее, в Видяево, где группу ждёт большая лодка, которая доставит «Краба» и всю группу к Антарктиде.

Вербов попытался прочитать во взгляде Зотова признаки шутки, но увидел только озабоченность и вопрос. На розыгрыш его предложение не походило. И хотя задание только выглядело простым и лёгким, на самом деле оно было не только неожиданным, оно было феноменальным по замыслу, и у Вербова ёкнуло сердце, когда он представил, что ему придётся пересечь половину земного шара и нырнуть подо льды южного материка.

– Понял. Дополнительные вводные будут?

Зотов и контрразведчик переглянулись.

– Мне бы хотелось провести небольшой инструктаж.

– Майор в вашем распоряжении, Вениамин Родионович. Можете расположиться в соседнем блоке.

Щёголев встал. За ним поднялись остальные.

– Разрешите вопрос, товарищ полковник? – проговорил Вербов, задержавшись. Щёголев поманил Вершинину за собой.

– Выйдем.

Они скрылись за дверью.

– Слушаю, – сказал Зотов.

– Я действительно смогу в Мурманске встретиться с родителями?

– У тебя будет часа три перед отправкой в Видяево.

– Благодарю.

– Не за что. – Зотов вышел из-за стола, подошёл вплотную. – Учти, майор, миссия архиважная! Я видел на твоей физиономии готовность задать вопрос: почему тебя назначили командиром группы, когда это прерогатива ВМФ? Так?

– Ну-у...

– Так. Сошлись многие обстоятельства, а главное, тебя рекомендовал сам директор Управления. Придётся выдержать не только сложнейшие испытания под водой и льдами, но возможно столкнуться с американцами, жаждущими завладеть богатствами погребённой под ледяным щитом Антарктиды древней цивилизации. Твоя главная задача – опередить и выжить! И вернуться!

– Я вернусь, – пообещал Вербов сдержанно. – Мы вернёмся.

– Ты бывший морпех, подводник, подготовлен дай бог каждому, справишься, – уже обыденным тоном закончил Зотов. – Как тебе твой зам?

Вербов вспомнил рукопожатие Вершининой.

– Женщина в море...

– Не кривись, – усмехнулся полковник. – Она тоже профессионал своего дела и спуску никому не даст. После инструктажа зайди к менялам, выбери джентльменский набор. К самолёту тебе всё подвезут, в том числе всю информатуру.

Вербов кивнул. Менялами на жаргоне сотрудников ГРУ называли снабженцев, джентльменским набором – необходимую для выполнения задания экипировку.

– Разрешите идти?

– Иди, майор, желаю удачи.

Вербов чётко повернулся и открыл дверь.

Средиземное море напротив устья Нила, южнее о. Крит.

14 декабря, полдень

Цистерны «Приза» начали наполняться водой, и он медленно погрузился в море, членистоногий, ярко-красный, как вареный рак. В рубке стало темно. Иллюминаторов она не имела, изображение на экраны рубки передавалось с шести видеокамер, поэтому казалось, что экипаж сидит в прозрачном пузыре, окружённый со всех сторон водной толщей.

Включились прожектора аппарата, воду пронзили столбы света, превращая зеленоватое пространство вокруг в таинственную бездну.

Надобность в погружении глубоководного спасателя, которым и являлся «Приз» (батиплав проекта 1855), была неоспоримой: его экипажу предстояло опуститься на глубину больше километра и спасти команду батискафа, принадлежащего частной компании, которая давно занималась поисками мифической Атлантиды. По утверждениям учёных, именно в этом районе Средиземного моря, в шестидесяти километрах от египетского побережья, в глубокой котловине и лежал легендарный материк, затонувший десятки тысяч лет назад.

Погружению батискафа «Searob» на дно впадины предшествовали годы исследований Атлантики и крупных морей с помощью систем спутникового мониторинга, десятки дискуссий и полугодовые испытания аппарата, способного опускаться на глубину до полутора тысяч метров и брать образцы горных пород.

Готовил экспедицию Европейский институт палеоархеологии, но платил за всё эксцентричный китайский миллиардер Уда Сяоши, он же и спустился на дно впадины Гуттиэре, не испугавшись опасностей подобного предприятия. И это первое погружение оказалось для него роковым: «Searob» совершил неудачный маневр, зацепил какую-то кладку или скопление скал на дне впадины, и на него обрушились глыбы камня, повредив двигатель и придавив сам аппарат, после чего он был обречён остаться на почти полуторакилометровой глубине до скончания веков.

К счастью, призыв главы экспедиции с судна сопровождения «Периньон» над местом погружения был услышан российскими военными в районе Кипра, и уже через восемь часов после получения SOS к «Периньону» подошёл фрегат «Могучий», с борта которого был спущен «Приз» – спасательный аппарат, призванный поднимать экипажи повреждённых подводных лодок с глубин до двух километров.

Командовал «Призом» капитан второго ранга Максим Лобанов, собиравшийся перейти из «малого» подводного флота в «большой», поскольку начштаба в Калининграде уже пообещал перевести его на один из готовых к испытаниям ПЛАРК.

– Рыба, я Рыбак, – как слышите? – раздался в рубке «Приза» голос командира спасательной операции, которым стал капитан «Могучего».

– Слышу хорошо, Рыбак, – ответил Лобанов, удобно расположившийся в кресле пилота; управлял аппаратом компьютер, а ему оставалось лишь корректировать движение, пошевеливая джойстиком, либо отдавать команды голосом.

Тьма вокруг батиплава сгустилась. На табло глубиномера поползли светящиеся цифры: 20... 30... 40...

Столбы прожекторного света то и дело вспыхивали облачками искр, высвечивая стаи рыбёшек, медуз, разнообразных рачков и водорослей. Море было тёплым, и живности в нём хватало.

Пару раз мимо проплывали утонувшие пластиковые бутылки, какие-то лохмотья, а однажды показался настоящий женский лифчик, на что старпом Лобанова Сеня Киришниц заметил ворчливо:

– Захламили моря навшпент! Скоро все водоёмы превратятся в гниющие болота.

Он был близок к истине. В двадцать первом веке озёра, моря и океаны планеты стали играть роль «мировых свалок», в которые сбрасывалось огромное количество отходов человеческой деятельности, и резервы природы по переработке этих отходов были на исходе.

На глубине ста метров перестали встречаться и рачки, и медузы, и рыбы. Лишь изредка вспархивали «бабочки» – какие-то морские создания, живущие и в этих глубинах моря.

Спуск продолжался в том же темпе – полметра в секунду, и экипаж слегка расслабился, следя за приборами и поверив в надёжность аппарата. Это было всего третье аварийное погружение «Приза» на большую глубину, поэтому все невольно ждали неприятных сюрпризов, готовые тем не менее к их преодолению.

На глубине полкилометра Лобанов доложил наверх по сонар-рации о состоянии машины и экипажа.

– Новостей нет, Рыба, ждём, – ответили ему.

– Зря они здесь Атлантиду ищут, – проворчал оператор «Приза» Василий Морозов, отвечающий за работу всех механизмов, манипуляторов и приспособлений. – Эта часть среднеази-

атского водного бассейна сложилась ещё в олигоцене¹³, десятки миллионов лет назад. Нету тут затонувших континентов.

– Ты ещё и геолог? – с недоверием проговорил четвёртый член экипажа, контролирующий компьютер управления и все виды видеозаписывающей аппаратуры.

– Не геолог, но специально интересовался.

– А где, по-твоему, надо искать Атлантиду?

– На южном полюсе. Континента Атлантиды не было вообще, все эти дилетантские блабла о его существовании запущены с целью запудрить мозги обывателям, направить их на ложный путь.

– Да ладно, спутники же обнаружили развалины на дне океана.

– Это были вторичные очаги цивилизации, остатки антарктической, свалившие с материка после того, как он стал покрываться льдом. Гипербореицы, наши предки, пошли на юг, в Россию, антаркты – в Атлантику, расплылись по островам. Может, какой-то из них и затонул.

– Ну, ты и фантазёр, Вася! – сказал старпом с восхищением.

– Это не моя идея, – возразил оператор. – Писали, что во времена войны Антарктиды с Гипербореей было применено оружие, в результате удара которого магнитные полюса сместились на девяносто градусов. Атлантида, то есть Антарктида, и Гиперборея располагались по обе стороны экватора, а после переворота оси заняли места на полюсах и покрылись льдом.

– Я тоже слышал об этом, – поддержал оператора Лобанов. – Но давайте-ка не отвлекаться, мы у цели.

В свете нижнего прожектора появилась туманная жёлтая полоса. Через минуту она превратилась в холм с неровными зубчатыми возвышениями на вершине.

– Глубина тысяча четыреста сорок, – доложил старпом, хотя Лобанов и без него видел показания глубиномера.

– Точно попали, – с удовлетворением сказал оператор. – Это скалы или настоящие стены?

– Посвети, – сказал Лобанов.

Компьютер включил систему радаров: низкочастотный локатор и инфразвуковой сканер. Перед пилотом загорелось окошко, в котором появилось синтезированное изображение внутренних холмов, накрытого слоем донных иловых отложений.

– Левее на десять! – скомандовал Лобанов. – Стоп машина!

«Приз» перестал опускаться, остановился над гребёнкой скальных обломков, часть которых имела плоские грани.

– Кто-нибудь видит батискаф?

Четыре пары глаз упёрлись в экраны, отражающие пейзаж морского дна на глубине полутора километров. Экран радара испускал голубое свечение, и на лица моряков легли призрачные синие отсветы.

Первым повреждённый «Searob» увидел старпом.

– Вот он! Ниже по склону, торчит из-под камней!

Лобанов повернул прожектор, подвёл «Приз» ближе.

Красная корма подводного аппарата стала видна отчётливей. Нос батискафа действительно был скрыт под обломками скал, рухнувших почти отвесной в этом месте стены. Донные отложения сползли с неё, и глаз то и дело цеплялся за прямые углы и линии огромных блоков.

– Мать честная! – озадаченно произнёс старпом. – Это же настоящая крепость! Камни – прямоугольной формы!

¹³ О л и г о ц е н – последняя, третья эпоха палеогенового периода истории Земли, началась 39 млн лет назад, закончилась 23 млн лет назад.

– А ты говорил – нет здесь Атлантиды, – укоризненно проговорил оператор. – Если это крепость или даже просто стена, то чья?

– Спроси что-нибудь полегче, – огрызнулся старпом. – Кстати, парни, вам не кажется, что стена рухнула не сама по себе?

– Батискаф её задел.

– Даже если бы он врезался в неё на полной скорости, вряд ли повредил бы. Видите глыбы? Их ракетой только и можно своротить. Здесь пахнет взрывом.

– Что ты имеешь в виду?

– Вон, посмотрите правее и ниже – дырка в стене. Кто-то выпустил торпеду, она ударила в основание стены, и обломки завалили батискаф.

– Это ещё надо доказать.

– Отставить разговорчики! – сказал Лобанов. – Приступаем к стыковке! Вася, я сяду ему на корму, она более или менее плоская и широкая, а ты готовь резак.

Морозов выбрался из кабины в носовой отсек батиплава.

«Приз» плавно опустился на корму «Searob», вытягивая манипуляторы. Вцепился в рёбра и кольцевые «плавники» на корпусе батискафа, осторожно подтянулся к нему. Можно было попытаться выдернуть его из-под груды каменных блоков, но риск разгерметизации аппарата был слишком высок, и Лобанов не стал рассчитывать на удачу.

– Присоски!

К корме батискафа потянулась круглая рама, венчающая метрового диаметра переходник. Послышались скрипы, бульканье, шипение.

– Сброс воды!

Насосы выгнали из трубы переходника воду.

– Проверка герметичности!

– Сухо, давление полтора, – доложил компьютер.

– Вася, ты готов?

– Как штык! – бодро отозвался оператор.

– Костюм?

– Запаковался.

– Начинай!

Из отсека слышались шорохи, позвякивание, гудение: оператор включил плазменный резак. В кабину «Приза» выплеснулась волна запахов озона и горячего металла.

– Сеня, помоги ему, – приказал Лобанов.

Старпом вылез из рубки.

Гудение длилось с перерывами четверть часа.

За это время ландшафт вокруг сцепленных подводных аппаратов не изменился, разве что в десятке метров от них с откоса беззвучно скатилась глыба метрового размера, утонула в слое ила, подняв жёлтое облако.

Лобанов внутренне поёжился. Если бы глыба зацепила батиплав, неизвестно, выдержал бы он удар или нет.

– Ну, что там у вас?

– Минуту, – отозвался старпом.

– Рыба, что у вас? – прилетел в наушник Лобанова голос командира экспедиции.

– Готовимся вынимать начинку, «рыбак», – ответил Лобанов. – Подозреваем, что по батискафу была выпущена торпеда.

Связь прервалась. Капитан фрегата переваривал новость.

– Это ваши фантазии, Рыба, или реальный факт?

– Предположение, но очень фактурное, всплывём – покажем снимки. Я бы попросил вас пошарить сонарами по дну, нет ли тут в засаде чьей-то подлодки.

Наверху соображали быстро.

– Следите за обстановкой в три глаза! Заметите подозрительное шевеление – всплывайте!

– Но мы не можем бросить... э-э...

– Всплывайте, Рыба! Это приказ! При малейшем подозрении!

– Слушаюсь!

– Что? – повернул голову к Лобанову компьютерный гений «Приза».

– Следи за периметром! – отрезал капитан. – Может быть, мы и в самом деле здесь не одни.

– Ты веришь в подлодку с торпедами?

– Лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорил Козьма Прутков.

– Ни одна лодка в мире не опускается на такую глубину.

– Этого и не требуется. Достаточно найти на дне объект и выпустить торпеду с любой глубины. Возможно, целились прямо в батискаф, но маленько промахнулись, и его только засыпало.

Матрос прикусил язык.

– Я не подумал.

– Готово, командир! – раздался из носового отсека приглушённый голос старпома.

Вслед за ним донёлся грохот падения железного предмета на пол, звон, шипение, кабина батиплава завибрировала.

– Перепад давления! – отреагировал компьютер.

– Сеня! – позвал Лобанов.

– Всё в порядке! – крикнул старпом. – У них давление выше нашего, а запахи – как в морге!

– Осторожнее!

– Мы пошли.

Какое-то время были слышны невнятные голоса, стук, слабое шипение, треск, потом снова раздался голос старпома:

– Вытаскиваем по одному. Все в отключке, но вроде живы.

– Помоги, – кивнул компьютерщику Лобанов.

Тот исчез.

Операция по перетаскиванию тел экипажа «Searob» длилась полчаса. Всего в кабине батискафа оказалось четыре человека, включая злополучного китайца, оплатившего экспедицию, и всем им понадобилась медицинская помощь. Они начали приходить в себя уже после того, как «Приз» отстыковался от повреждённого аппарата и пошёл вверх.

Однако на этом приключения моряков-спасателей не закончились.

Когда подводный холм с остатками «атлантической» стены скрылся в темноте, радары «Приза» зацепили впереди быстро приближающийся объект, косо падающий на батиплав сверху вниз под углом в сорок пять градусов.

Интуиция включила моторику организма раньше сознания. Руки сами шевельнули джойстик в нужной последовательности. «Приз» рванул боком влево, разворачиваясь вокруг оси.

Стремительная серая стрела барракудой промчалась мимо, сопровождаемая «хвостом» взбаламученной воды.

«Приз» болтануло с боку на бок.

Через несколько секунд батиплав настиг задавленный толщей воды удар – будто по корпусу аппарата хватила дубиной!

Охнул оператор. Выругался старпом.

– Торпеда?!

– Рыбак, я Рыба, нас обстреляли! – ожил Лобанов, включая канал связи с фрегатом. – Торпеда на шесть часов от вертикали спуска, ракурс выстрела – сорок пять к вертикали на глубине тысяча!

– Понял, Рыба, – ответили после паузы сверху. – Замрите!

Лобанов остановил насосы аппарата, выдавливающие воду из цистерн.

«Приз» замер, повис в бездне на глубине километра, погасил прожектора.

– Если они пульнут по нам ещё раз... – прошептал старпом.

– Заткнись! – процедил сквозь зубы Лобанов.

Провисели в тишине и неподвижности несколько минут.

Издалека прилетел к батиплаву глухой рокот, он снова качнулся с боку на бок, словно баркас на волне.

– Поднимайтесь, – донёсся голос капитана фрегата.

– Грохнули лодку? – предположил старпом, вытирая потное лицо ветошью.

Лобанов включил насос.

«Приз» начал всплывать и через полчаса вынырнул на поверхность моря, в ясный солнечный день. Давление внутри аппарата поддерживалось постоянное, соответствующее нормальному атмосферному на уровне моря, поэтому ни о каких явлениях вроде кессонной болезни беспокоиться не стоило.

Высадили пришедших в себя охотников на атлантические сокровища на борт фрегата. Все они описали происшедшее на глубине одинаково, и стало ясно, что по батискафу и в самом деле кто-то стрелял.

Впрочем, это уже никого не удивило. «Приз» тоже был атакован торпедой при возвращении, и только интуиция и реакция Лобанова спасли экипаж от неминуемой гибели.

– Кто это был? – поинтересовался он, вызванный капитаном фрегата в его каюту.

– Субмарина, – ответил молодой, чуть старше самого Лобанова, загоревший, уверенный в себе капитан Дряхлов.

– Чья?

– Предположительно турецкая.

– Вы её потопили?

– Отогнали. Пряталась в миле от нас на глубине трёхсот метров. Мы нашли её, только подняв в воздух «вертушку».

– Сволочь!

– Не трать эмоции понапрасну, капитан, мы давно находимся с турками в состоянии войны, то холодной, то горячей, больше пятисот лет, так что ничего необычного не случилось. Вы и в самом деле обнаружили на дне развалины?

– Особо не присматривались, но очень похоже. Я передам вам диск, мы всё записали. Если хотите, можем снова нырнуть туда, посмотреть детально, взять образцы.

– К сожалению, у тебя другая планида. Велено отправить на сушу, на Клир, где тебя заберёт спецборт.

– Зачем? – удивился Лобанов.

– Вопрос не ко мне. Знаю только, что тебя ждут в Мурманске, в штабе Севфлота.

– В Мурманске?! Ничего себе! – Пошутил: – Надеюсь, меня не трибунал ждёт?

– Об этом я бы знал, – рассмеялся Дряхлов. – В твоём послужном списке одни героизмы, так что, думаю, это какое-то сложное задание.

– Разрешите идти?

– Удачи! – Дряхлов крепко пожал руку Лобанова.

Через час, сдав дела старпому и обсудив с экипажем проблемы по поддержанию «Приза» в рабочем состоянии, Лобанов влез в кабину «Ка-31», заняв место штурмана, и вертолёт взял курс на север, к острову Кипр, на котором располагалась база Российского морского флота.

Посёлок Видяево, база подводных лодок Северного морского флота России.

14 декабря, ближе к вечеру

В принципе, экипаж справился с уборкой хорошо, лодка была готова к походу без оговорок, но Брайдер ещё раз прошёлся по её коридорам от носа до кормы, заглядывая в отсеки и перебрасываясь с дежурными матросами обычными фразами типа: ну, как, парни, настроение бодрое?

– Бодрое, товарищ капитан, – дружно отвечали ему.

Новейшая атомная подводная лодка «Грозный» проекта «Лира» зашла в подземный док базы Видяево три дня назад и готовилась к ходовым испытаниям и оружейным стрельбам, загружая в свои отсеки всё необходимое для месячного похода.

Загрузили и оружие: торпеды 65–76 «Писк» с дальностью хода до шестидесяти километров, ракет-торпеды «Шквал-ДД», развивающие скорость до ста двадцати узлов в час, сверхзвуковые противокорабельные крылатые ракеты «Гранат-М» с дальностью пуска до трёхсот пятидесяти километров, ракеты «Калибр-М», а также выдвижную буксируемую гидроакустическую антенну, позволяющую улавливать шумы любых подводных объектов, как живых – акул, дельфинов и пловцов, так и искусственных – торпед, ракет и подводных лодок на расстоянии до пятидесяти километров.

По сути, «Грозный» представлял собой истребитель подводных лодок любого класса, оставаясь недостижимым для них вследствие полной бесшумности подводного перемещения, способности нырять на глубину до километра и обладания оружием, дающим ему возможность сражаться сразу с тремя-четырьмя хваленными новейшими подводными лодками США и топить их до того, как они могли узнать, с кем встретились.

Обычно на время ходовых испытаний кораблей любого типа оружие не загружалось, но командование Северного флота решило совместить «приятное с полезным», тем более что «Грозный» уже побывал в море во время перегона от завода во Владивостоке до Мурманска и показал себя с самой лучшей стороны, превывсив прежний рекорд скорости подводного хода – 42 узла – сразу на пятнадцать узлов¹⁴.

В рубке Брайдер задержался, обсудив со старпомом Колодяжным распорядок дня на завтра.

– Рядом с нами пришвартовался «Краб», – сообщил ему могучий кряжистый старпом, изломав каменное лицо морщинами.

– Кто? – не понял Брайдер.

– Глубоководная штучка, наследница наших прославленных «Призов», ещё и сейчас используемых спасателями. Может нырять до трёх километров и самостоятельно передвигаться под водой.

– «Призы» я видел.

– Любопытная посудина. Но не уверен, что она готовится как спасатель.

– Это не наши проблемы. – Брайдер пробежался глазами по экранам навигационного комплекса лодки, хотел было попрощаться с дежурной сменой, и в это время его окликнул начальник смены лейтенант Волков:

– Товарищ капитан, к нам делегация с берега.

– Делегация? – озадаченно глянул на лейтенанта старпом. – Кто?

¹⁴ 1 узел равен 1 морской миле в час или 1,852 км в час.

Лейтенант передал трубку интеркома капитану.

– Брайдер, – отрывисто бросил тот.

– Капитан, Палешкин говорит, к тебе гости, прими по полной программе.

– Почему без предупреждения?

– Так ведь не я такие вопросы решаю, – виновато ответил Палешкин. Он занимал в штабе флота должность адъютанта командующего, и Брайдер с ним был в хороших отношениях.

– Как это понимать? Приёмная комиссия ещё утром дала добро на выход в море.

– Тебе всё объяснят, Алексей, не волнуйся, речь не идёт о каких-то нарушениях, иначе я бы знал.

– Понял, встречаю.

Брайдер вернул трубку лейтенанту, поманил старпома за собой.

– Пошли, встретим начальство.

Поднялись в переходную камеру зализанной рубки «Грозного», вылезли на броню верхней палубы лодки, с борта которой к пирсу был перекинут трап.

Подземный грот базы вмещал сразу шесть океанских субмарин, но в данный момент в гроте находились только три атомохода: один проекта 885 «Ясень», один проекта 941 «Тайфун» и красавец «Грозный», радующий глаз плавностью совершенных линий обвода и геометрической стремительностью.

Чуть поодаль, у того же пирса, была пришвартована небольшая подлодка необычной формы, похожая на выплавленный из льда утюг. Она и покрашена была в серо-голубой цвет, делавший её почти невидимой на воде. Но Брайдер не успел рассмотреть странное судно. На трапе появилась делегация из штаба в составе не трёх, как предупреждал Палешкин, а шести человек. Трое из них были одеты в гражданское – белые парки и шапки.

Первым на палубу «Грозного» шагнул начштаба Северного флота контр-адмирал Синицын. Лицо у него было неподвижное, задубевшее, изрезанное морщинами, но голубые глаза смотрели без обычных для командиров такого ранга надменности и самоуверенности.

– Товарищ контр-адмирал... – кинул к виску ладонь Брайдер.

– Вольно, капитан, не тянись, – подал ему руку начальник штаба. – Не на построении. Как дела?

– Отлично! Работаем по плану.

– Ну, и хорошо, коли отлично. – Синицын оглянулся на спутников. – Товарищи офицеры, рекомендую, капитан первого ранга Брайдер.

– Добрый день, Алексей Аполлинариевич, – протянул широкую костистую ладонь начальник дивизиона атомных субмарин Видяево, капитан первого ранга Шманкевич. – Извини, что без предупреждения, дело есть.

– Всегда готов, – сказал Брайдер.

Шманкевич отступил в сторону, пропуская соседа в гражданском, тонколицего, гладкобритого, с колючими, серыми, оценивающими глазами.

– Полковник Карбидов, служба безопасности.

Сероглазый кивнул, помедлил, но руку подал.

– Мы с вами земляки, капитан. Я из Анадыря.

Брайдер с любопытством заглянул в глаза полковника, но не прочитал в них ничего, кроме вежливого внимания.

– Я родился в посёлке Северный, учился в Анадыре.

– В первой гимназии.

Стало ясно, что Карбидов специально изучал досье командира «Грозного».

– Так точно.

– Я проделал такой же путь, что и вы, но на десять лет раньше.

На ум ничего не пришло, и капитан осторожно сказал:

- Давно не был в родных краях.
- Ещё побываете, – улыбнулся Карбидов.

Брайдер посмотрел на гражданских спутников начальника штаба, державшихся особняком.

– Это эксперты с заводов – изготовителей лодок, – сказал Сеницын. – У них своя задача, они осмотрят трюмы лодки.

– Зачем?

– Давай поднимемся в твои апартаменты и поговорим. Прикажи проводить спецов на борт.

Брайдер сделал знак старпому.

– Покажи.

По лесенке на корпусе рубки они поднялись на её покатую вершину, спустились через горловину люка в недра атомохода.

Дежурная смена дружно поднялась из-за пультов, стоек и экранов по жесту командира.

– Вольно, товарищи офицеры, – сказал Сеницын, предложил Брайдеру: – Давай посидим в кают-компании.

Брайдер проводил гостей в довольно просторную кают-компанию, где одновременно могли обедать восемнадцать человек. Сняли верхнюю одежду, расселись за столиком.

– Кофе? – предложил Брайдер, чувствуя себя не в своей тарелке. – У нас тут кофе-автомат установлен.

– Не откажусь, пожалуй, – согласился Сеницын.

Его спутники отозвались кивками.

Брайдер поманил кока.

– Всем эспрессо.

Молча ждали, пока молодой круглолицый матрос подаст кофе.

– Свободен, – отпустил его Брайдер.

Сосредоточенно взялись за чашки.

– Дело такое, капитан, – заговорил Сеницын, сделав несколько глотков. – Сфинктура «пять-пять», прими к сведению.

Брайдер сел прямее, не меняя выражения лица, отмечая внимательный изучающий взгляд полковника-земляка. Фраза начштаба означала, что речь идёт о высшей степени секретности предстоящего разговора.

– Поход в Чёрное море отменяется, – продолжал Сеницын. – В связи с недавно вскрывшимися обстоятельствами тебе надо взять на борт батиплав «Краб», ты его видел, он рядом стоит, и отправиться к берегам Антарктиды.

В кают-компании стало тихо.

Брайдер недоверчиво посмотрел в глаза Сеницына, перевёл взгляд на командира дивизиона, на представителя службы безопасности министерства обороны, снова повернул голову к Сеницыну.

– Официально?

– Официально ты идёшь в Севастополь для ходовых испытаний и участия в боевых стрельбах. Но пойдёшь к берегам Антарктиды, в море Росса.

Брайдер помолчал, чувствуя себя так, будто его разыгрывали, а он не имеет права сказать об этом.

– Мне нужны детали...

– Держи пакет. – Сеницын подал конверт с выдавленным на нём красным грифом «Совершенно секретно!». – Здесь все инструкции. Через пару дней к тебе придут члены экипажа «Краба», всего семь человек. Разместишь их на борту со всеми возможными удобствами.

Брайдер хотел сказать, что численность экипажа лодки и без того превышает сто человек, но Сеницын не дал ему вставить слово:

– Понимаю, что тесно, однако прими меры, максимально ужмись, тем более что в группе будет женщина.

– Ясно, – зажал губами Брайдер рвущиеся наружу возражения. – Хотя женщина на борту...

– Не будь суеверен.

– Дайте хотя бы намёк, что я должен делать в Антарктиде.

– Прочитаешь инструкции.

– Разрешите, я введу капитана в курс дела? – мягко попросил Карбидов.

Сеницын хмыкнул, снова взялся за кофе.

– Как знаете.

– «Краб» надо будет выпустить под водой у шельфа Росса и проконтролировать, чтобы никто не помешал выполнять задание.

Какое задание? – лёг на язык вопрос, однако Брайдер не решился его задать. Взвесил в руке конверт, посмотрел на земляка.

– У меня не самая большая машина...

– Зато самая быстрая и хорошо вооружённая, – усмехнулся полковник Карбидов.

– Вы думаете, мне придётся эти преимущества... продемонстрировать?

– Американцы направили к Антарктиде две подлодки, два эсминца и авианосец «Трамп».

Надо быть готовыми ко всему.

– Мне дадут разрешение... применить оружие? – засомневался Брайдер.

– Все полномочия для достижения цели. – Полковник достал из внутреннего кармана пиджака красную коробочку, протянул капитану. – Твой личный «чёрный ящик» в экстремальных ситуациях. В случае применения оружия зафиксировывает все голосовые команды и причины применения.

Брайдер с любопытством открыл коробочку, увидел небольшой металлический кругляш с решётками по бокам, закрыл.

– Первый раз держу в руках подобный гаджет. Интересно, кто-нибудь его уже применял?

– Командир нашей подводной лодки во время стрельб по Сирии, – сказал Карбидов. – В две тысячи пятнадцатом году. Ну и ещё пара ребят в разные годы и в разных уголках планеты. Все сделали своё дело на «отлично».

– Сделаю всё от меня зависящее! Но... товарищ контр-адмирал...

– Не переживай, капитан, мы все в одной посудине. – Сеницын собрал морщины на лбу, осознав родившийся каламбур: иносказательное «в одной посудине» соответствовало реальному событию. – Есть негласный приказ главкома – давать по сопатке американцам везде, где они попытаются нагло качать свои права.

– Понял, – расправил плечи Брайдер. – Разрешите вопрос?

– Валяй.

– «Краб» не уместится на борту...

– Оставишь гидроакустическую антенну в доке, – сказал Шманкевич. – «Краб» как раз и займёт её место. Эксперты всё сейчас промеряют и вынесут свой вердикт.

– Ещё кофе? – предложил Брайдер после паузы.

По лицам гостей пробежали улыбки: они оценили сдержанность капитана «Грозного».

Мурманск.

16 декабря, утро

В Мурманский аэропорт Мурмаши прилетели ночью, в начале четвёртого.

Вербов хотел сразу отправиться к родителям, жившим на северо-западной окраине города, на берегу Кольского залива, но спутница, которой он предложил сомнительное удовольствие познакомиться с городом, отговорила его от поездки.

– Зачем будить людей в такую рань? Посидим в аэропорту до утра и поедem к вашим родичам часов в семь. Заодно покажете город, а то ночью мы ничего не увидим.

– Ну, сейчас и днём мало что увидишь, – хмыкнул Вербов, имея в виду время года: в декабре в Мурманске и окрестностях царила полярная ночь, и солнце даже днём практически не показывалось из-за горизонта.

– Всё равно не стоит будить ваших рано.

Возражать Вербов не стал, хотя подумал, что отец с мамой будут рады появлению сына в любое время суток.

– Посидим в кафешке?

– Здесь есть бизнес-зал, – сообщила Вершинина, одетая в брючный костюм и меховую курточку для длительного путешествия. – Там тише.

– Нас не пустят.

– Ещё как пустят, мы летели самолётом «Норд Авиа», да ещё бизнес-классом, так что отдых в вип – зале нам обеспечен.

Действительно в бизнес-зону их пропустили без вопросов, стоило спутнице показать корешок своего билета.

Зал был просторен и почти пуст. В центре его за столиком расположилась в жёлтых прямоугольных креслах компания пожилых женщин. Столики у окон, выходящих на лётное поле, окружённые кожаными креслами и диванчиками вишнёвого цвета, пустовали.

Сели у окна, напротив друг друга.

– Листретто, – заказала Вершинина подошедшей официантке, полной блондинке в коричневом фартучке.

– Капучино, – добавил Вербов.

– Что-нибудь ещё? – уточнила официантка. – Есть свежие круассаны, только что привезли.

Вербов вопросительно посмотрел на спутницу.

– Давайте, – согласилась она. – Гулять так гулять.

– Бутерброды?

– Нет, спасибо.

Блондинка отошла, бросив на Вербова оценивающий взгляд.

– Можно вопрос? – вежливо поинтересовался он.

Инга поморщилась.

– Не будьте политкорректны больше, чем европейцы, майор. Я не девица из благородного пансиона.

Вербов внимательно всмотрелся в красивое лицо девушки с волевой складкой резных губ. Он сам предпочитал работать в одиночку, не любил компании, выбирая собеседников по изяществу их общения, и опирался только на свои силы, будучи абсолютно уверенным в правоте своих оценок и выводов. Но сотрудница особого подразделения ФСБ, похоже, превосходила его по части требовательности к окружающим.

– Прошу прощения, учту.

Официантка принесла заказ. Вершинина захрустела круассанами, снова поморщилась.

– Может быть, их и привезли только что, но они уже успели высохнуть.

Вербову показалось, что круассаны свежие, но возражать он не стал.

– Как кофе?

– Как сказал бы мой отец – средней паршивости, – усмехнулась Вершинина. – Я бывала в Гватемале, вот там кофе вкусный, натуральный, без обмана, хорошо прожаренный.

– По какой надобности посещали Африку?

– По служебной, – коротко ответила девушка, не изъясняя желания вдаваться в детали. –

А вы что делали в независимой Латвии?

– Отдыхал, – с улыбкой ответил Вербов.

Собеседница понимающе кивнула.

– Один?

– Я одиночка по натуре, привык быть один.

– Надо же, как мы близки по характеру. Не женаты?

– Был. А вы?

– Аналогично.

– А выглядите вы совсем...

– Девочкой, – рассмеялась Вершинина. – Не верьте ясному взору, я злая и нервная стерва.

Муж так и сказал, когда уходил.

– Это он в запальчивости.

– Может быть. Мы с вами одногодки, кстати.

Вербов хотел спросить, откуда она знает его возраст, потом подумал, что сотруднице ФСБ было нетрудно найти на него досье.

– Никогда бы не подумал.

– Ёрничаете? – прищурилась она.

– Никогда! – возразил он. – Не в моём характере.

– А что в вашем? Что вы любите, чем занимаетесь в свободное время?

Вербов отложил круассан.

– Смеяться не будете?

– Обещаю.

– Я люблю кулинарить.

– Прекрасное занятие, – серьёзно сказала Инга. – Уважаю мужчин, умеющих готовить.

А я вот, к сожалению, тепличное растение, не приучена, всю жизнь тороплюсь и дома бываю редко. У меня и мама, доктор экономических наук, не очень уважала это дело, в доме всё папа делал и кухней занимался.

– В принципе, я умею всё, но больше всего люблю грибные блюда и овощные. Хотя и рыбу готовлю неплохо по маминым рецептам, и мясо. Уверен, она непременно угостит нас чем-нибудь вкусеньким.

– Кем она работает? Или на пенсии уже?

– Нет, преподает математику в школе, да и отец тоже учитель, по химии.

– Местные жители или приехали?

– Нет, местные, родились в Мурманске, я тоже.

В зале начали появляться пассажиры. По одному, по двое, мужчины и реже женщины. Вошли трое – приземистый здоровяк с бритым черепом и мощными покатыми плечами и двое крупногабаритных парней в чёрных костюмах. По их поведению можно было судить, что они телохранители бритоголового, одетого в тёмно-сиреневый костюм и красную рубашку. Лицо у него было тяжёлое, складчатое, с брюзгливым вывертом толстых губ, взгляд из-под тяжёлых век не предвещал ничего хорошего.

Села компания за соседний столик, и бритоголовый, мотнув головой парню слева (тот сразу поспешил к бару), достал сигару.

Вербов и Вершинина переглянулись.

– Большая шишка, наверно, – сказал Денис, понизив голос. – Ведёт себя как хозяин.

– Сенатор от Мурманской области, – сказала Инга.

– Вы его знаете?

– Видела однажды в столице. Бывший губернатор, бизнесмен.

– Здесь же нельзя курить.

– А ему плевать, он же сенатор.

– Можно подсказать.

– Не связывайтесь, у таких наглецов большие связи.

Бритоголовый пустил струю дыма.

К нему быстро подошёл молодой парнишка-официант.

– Извините, у нас не курят.

– Мне можно, – отмахнулся бритоголовый.

– Курить в залах аэропорта запрещено...

– Уговори таможду, – лениво глянул на второго телохранителя-блондина бритоголовый.

Парень встал, взял официанта под локоть, повёл от столика, выговаривая на ходу:

– Начальство надо знать в лицо, пацан, это Максимилиан Самойлович, сенатор, уважать надо. Ну, покурит минутку, ничего плохого не случится.

Бритоголовый затаился, почувствовал на себя взгляды сидевшей неподалёку пары, выпустил в их сторону длинную струю дыма.

– Извини, – сказал Вербов, поднимаясь. – Терпеть ненавижу хамов!

Бритоголовый удивлённо глянул на него.

– Тебе чего?

– Вежливости не учили? – кротко сказал Вербов. – Сенатор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.